

ВАСИЛИЙ ПАНФИЛОВ

Чужой среди своих
2

Василий Сергеевич Панфилов

Чужой среди своих 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546739

Аннотация

СССР! Ленин! Партия! Комсомол! Ну же?! Кобзон, Зыкина, БАМ, Целина...

... но это где-то там, в другом, настоящем СССР! В том, сверкающем чешским хрусталём и развитым соцреализмом, запускают в небо спутники, строят коммунизм во всём мире, грезят поворотами северных рек и яблонями на Марсе.

А это – параллельный, неправильный, не настоящий СССР – тот, где бараки, коммуналки, пьянство и безотцовщина, «пропал без вести» и «десять лет без права переписки», приписки и воровство на работе. Кривое зеркало страны победившего социализма.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	38
Глава 3	70
Глава 4 Кино, а?!	112
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Василий Панфилов

Чужой среди своих 2

Пролог

Состав дёрнулся, и, скрежеща, железной змеёй пополз по рельсам, медленно набирая ход, будто подкрадываясь к жертве. Проехав немного, железнобокий Змей снова дёрнулся... а потом я увидел железнодорожника, подкладывающего под колёса башмак, и почти мистическое очарование момента пропало, как и не было.

Жаль... Я уже почти поверил, что вокруг – страшненький, постапокалипсический, но такой яркий и интересный мир, где на развалинах техногенной цивилизации живут железные драконы, а генетически изменённые потомки людей, ставшие гномами и эльфами, ведут между собой войну за ресурсы и артефакты ушедшего мира.

Вздыхнув, снова прислонился потным лбом к нечистому прохладному стеклу, глядя разом вовне и внутрь себя. Вокруг – один сплошной материализм, с железнодорожным социалистическим оттенком, унылый и скучный, чёрно-белый в полумраке начинающегося утра, и до оторопи напоминающий дрянной чёрно-белый фильм, склеенный из плохо сохранившихся кусочков документального кино.

Документальность эта то ли нарушается, а то ли, напротив, подчёркивается разного рода деталями, который полно в обыденной жизни, но которых невозможно прочувствовать в кинохронике.

Нос забивают густые запахи креозота, металла, мазута и всего того, чем богаты железные дороги Советского Союза. Если закрыть в вагоне окна, отрезая дорогу вползающим в любое отверстие запахам, вполне осязаемым и материальным, на смену им придут другие, не менее материальные, и, пожалуй, ещё более удушливые – немытых тел, перегара, махорочного дыма и чёрт те какого груза, перевозимого в баулах, корзинах и мешках.

Мешки эти повизгивают, вкочнут, растекаются подозрительными пятнами и пахнут травами, ягодами, начавшимся портиться мясом, навозом и сивухой разом. Ничего нового. Всё тот же барак, только более концентрированный, акцентированный, вставший на колёса идвигающийся через страну.

– Да ёб... – окончание экспрессивной фразы железнодорожника в оранжевом, замызганном донельзя жилете, скрыл гудок паровоза. Да собственно, и начало...

Не то чтобы мне было хоть сколько-нибудь интересны жизненные перипетии железнодорожных рабочих и паровозных бригад, их замысловатые отношения с начальством и между собой, переходящие вымпелы, социалистические обязательства и собственно судьбы... Но мне так скучно,

вязко и тоскливо, что мозг, не зная, чем себя занять, хватается за любую ерунду.

Вот уже несколько часов наш состав движется или вернее – НЕ движется в мешанине ему подобных, напоминающей мне идущую на нерест рыбу, задыхающуюся в толчее. Несколько часов, как мир состоит из запахов креозота, гудков паровоза, бесконечного лязганья и какого-то судорожного, эпилептического подёргивания состава.

Ещё теплится ночь, но добрая четверть пассажиров не спит – уже, или ещё...

Молодые родители слева от меня, поглядывая в окно, и по каким-то, только им ведомым признакам, видя скорое окончание пути, собирают малышей. Те, сонные и тёплые, ничего не понимают, и хотят писать, какать, спать и на ручки...

Дальше – компания работяг, влезшая в вагон на одном из безмянных полустанков уже затемно, пьют и с надрывом обсуждают Линдона Джонсона, агрессивную политику Великобритании, мастера-суку, расценки на работу и похмельное качество самогонки от Петровича по сравнению с портвейном «Три топора» – вперемешку. У них всё – с надрывом, так что ещё чуть, и на груди начнут рваться рубахи, и покажется по вагону безобразный громкоголосый скандал, перерастающий в драку. Но пока – пьют.

С другой стороны компания пропахших дымом и потом мужчин, грязных, бородатых и обглоданных комарами,

с огромными рюкзаками и одной на всех расстроенной гитарой, на которой они иногда начинают по очереди что-то наигрывать, и всегда – скверно. Голоса, впрочем, вполне приличные, что несколько исправляет ситуацию, делая её менее артхаусной.

По виду – не то самодеятельные советские туристы из матёрых, не то – шабашники из вовсе диких мест или геологи, а может, и вовсе другой типаж советского человека. Я пока не всегда понимаю, кто есть кто в здешней действительности.

На багажной полке храпит запоздавший дембель, которого вчера всем вагоном поили и кормили так, что у парня, у которого ещё не сошли толком юношеские прыщи, не было никаких шансов. Он оглушительно храпит, и, обожравшийся всего вперемешку, изредка тоненько, но очень звучно пердит, внося немалый вклад в густую, почти венерианскую атмосферу плацкартного вагона. Собственно, претензий к дембелю нет, а так... зарисовочка.

Здесь, в вагоне, вообще много... выпуклого. Народ в этом времени приучен к коллективу, к жизни в стаде, и хотя его, народ, всячески приучают к балету, симфониям и хорошим манерам, тяготеет всё больше к похабным матерным частушкам, да и манеры у многих, представляющие собой смесь незамутнённой деревенской простоты и лагерных ухваток, порой вызывают оторопь.

Без всякого стеснения отхаркиваются, отсмаркиваются, ковыряют меж пальцев ног, сняв портянки, и весьма бесце-

ремонно высказывают свою, единственно верную точку зрения по поводу и без. Аж скулы иногда сводит...

Но они же, без напоминания, присматривают за соседскими ребятишками, делятся едой, не ожидая ничего взамен.

Такие вот две стороны одной монеты...

... и мне не раз уже приходило в голову, что году этак в две тысячи пятидесятом, условные потомки будут брезгливо морщиться, вспоминая нас, из две тысячи двадцатых. За грязь, за неустроенность быта, за трусливое соглашательство, за...

... есть за что...

Глава 1

Люди в сером

Сквозь толщу воды едва проникает свет, и я, чувствуя нехватку воздуха, плыву наверх, навстречу, желая вздохнуть полной грудью, и дышать, дышать! А свет, уже, казалось бы, приблизившийся, снова отдаляется. Не в силах уже терпеть, задыхаясь, я судорожно втягиваю затхлую воду...

... и в последний момент выставляю руку, удерживаясь от падения на пол. В памяти ещё живы те судорожные, едва ли не предсмертные движения, а простыни и одеяло, сбившиеся к ногам во влажный, неопрятный комок, падают на пол.

Опустив босые ноги на щелястый дощатый пол, окончательно просыпаюсь, чувствуя, как уходит из памяти сон.

Под тощей задницей комковатый, сырой, пахнущий плесенью ватный матрас, чуть свисающий с низкого и очень узкого топчана. Спёртый воздух пахнет плесенью, пылью и древесной трухой, а ещё – чем-то неуловимым, но присутствующим помещению, которое долго было нежилым.

Продрав глаза и время от времени широко, едва ли не до вывиха челюсти, зевая, некоторое время тупо наблюдаю за пауком, поднимающимся по паутинке наверх, к потрескавшейся побелке низкого потолка. Тоненько звенит кома-

риный хор, и время от времени кто-то из них пытается солировать, кружа возле моей головы. Аплодирую им вяло и в общем-то безрезультатно, потягиваясь и почёсываясь.

Комары здесь мелкие, но многочисленные, и хотя на ночь, перед тем, как закрыть двери и окна, мы окуривали помещение, а потом долго охотились за ними со свёрнутыми газетами, их осталось достаточно, чтобы я проснулся расчёсанным. Судя по щелям в двери, сквозь которые во мрак комнатухи просачивается дневной свет, наша охота, в общем-то, изначально была предприятием почти бессмысленным.

Ещё раз вздохнув полной грудью, и не в силах надыхаться спертым воздухом, я встал наконец-то с топчана, и приоткрыл скрипнувшую дверь.

– Проснулся? – улыбнулась мне мама, повернувшись от своих кастрюль, – С добрым утром, засоня!

– С добрым, – зевая, ответил я, и, не удержавшись, подошёл к ней и обнял, уткнувшись лицом в плечо. Замерев на миг, она обняла меня в ответ, и некоторое время мы так стояли, а потом, поцеловав меня в макушку, она со смешком оттолкнула меня, вернувшись к готовке.

– Погуляй пока, – сказала она, – минут через двадцать завтрак готов будет.

– Угум... – отозвался я, – окна открыть?

– Окна? – не сразу отозвалась мама, возящаяся с примусом, – Да, конечно! Я что-то с утра замоталась, не вспомнила даже.

Маленькие окошки с разохшимися рамами отчаянно скрипят, сопротивляясь моим усилиям. Одно, особо упрямое, я, попытавшись было, не стал открывать, опасаясь, что выверну упрямую раму к чёртовой матери.

Привалившись поясницей к низенькому подоконнику, потихонечку разминаю затёкшую от неудобного сна шею и собственнo поясницу, рассеянно глаза по сторонам.

Комнатушка небольшая, от силы метров четырнадцати, с низким, нависающим, чуть вогнутым потолком, растрескавшаяся побелка которого, со следами многожды засохших потёков, напоминает причудливую географическую карту. В щелях пошире, мне хорошо это видно, проглядывает иногда какая-то жизнь. Где-то виднеется не то плесень, не то грязь, а в щели покрупнее шустро проскакивают какие-то насекомыши.

Три окошка, низких и подслеповатых, собранных из дрянного стекла, чиненого буро-жёлтой замазкой, приваривающей один осколок к другому. Рамы и подоконник давно требуют покраски, и, проведя по ним пальцем с лёгким нажимом, можно отшелушить мелкие грязно-белые чешуйки.

Поскрипывающие полы, на которых ещё держится сползшая кое-где коричневая суриковая краска. Местами, где деревянные клинышки прогнили, щели меж досок, да и сами доски, сучковатые и изначально некондиционные, не мешало бы заменить. Снизу тянет сквозняком, пахнет сыростью и мышами.

Под самым потолком единственная лампочка, засиженная мухами. Длинный провод скручен узлом, от чего лампочка торчит несколько набекрень.

Напротив сколоченной из досок двери – огромный, некогда кожаный диван, занимающий, наверное, добрую треть комнаты. Сейчас он носит следы починки, но вообще, его легко представить где-нибудь в присутственном месте, времён этак Александра Второго, и восседающие на нём сановные, орденоносные задницы, ведущие важные, сановные разговоры о том, что мужики, они ж как дети, и рано... рано их освободили от благодетельного присмотра помещиков!

Слева, в углу, массивный, непростого происхождения письменный стол, испещрённый шрамированием, ожогами и чернильными татуировками. Напротив окна – кухонный, он же обеденный, самодельный, за которым сейчас готовит мама. А между диваном и письменным столом небольшая, плохо сложенная печь с обвалившейся штукатуркой, из-под которой проглядывают разносортные, и, кажется, откровенно самопальные кирпичи.

Справа от входа, почти в самом углу, низкая дверь, собранная из досок, щелястая и скрипучая. За дверью не то вторая комнатка временки, не то кладовка, но вернее всего – по ситуации. Сейчас эта комнатушка служит мне спальней.

Окон там нет, зато есть вторая дверца, ведущая на улицу, и заставленная сейчас снаружи невообразимым старушечьим хламом, теснящимся между дверью и полени-

цей. Некогда вверху двери было крохотное окошко, но потом треснувшее стекло обильно закрасили зелёной краской, а чуть погода заколотили снаружи расплющенной консервной банкой, на которой и сейчас можно разглядеть английские буквы.

Зевнув ещё раз, мотнул головой, прогоняя остатки сонливости, и, подхватив зубную щётку, порошок и полотенце, выскочил во двор.

– Дверь приоткрой! – донеслось мне вслед, и, угукнув, я развернулся на пятках, выполняя мамину просьбу.

Времянка, которую мы снимаем, стиснута между собственно хозяйским домом, сараями и соседским забором, глухим в этом месте. Узкий пятачок, выложенный камнем и битым кирпичом, заставлен, вдобавок, всяческим хламом, так что пройти с чем-то габаритным здесь не так-то просто, а солнце, кажется, и вовсе не заглядывает сюда, порукой чему жирный мох, выросший в щелях и кое-где на стенах.

В огороде, задрав к небу сухую старушечью задницу, обтянутую линялым, сильно вытертым платьем, возится хозяйка дома, перемещаясь на полусогнутых ревматичных ногах, обутых в старые калоши.

– Доброе утро, баб Нюр! – проскакивая мимо, громко здороваюсь с ней.

– Да чтоб тебя! – взрывается та вместо ответного привет-

ствия, – Оглашенный! Кто ж так к людям с заду подкрадывается! Как же тебя родители, ирода, воспитывают...

Сморщенное черносливное лицо, с торчащими кое-где волосатыми родинками и бородавками, полно праведного гнева. Впрочем, она всегда такая... и нет, собственно, никакой разницы – как именно я буду здороваться, и буду ли вообще. Смолоду склочный характер, наложенный на возраст, это, знаете ли, не мёд...

Делаю покаянный вид, киваю... и разумеется, не пытаюсь остановиться, чтобы бабка выплеснула на меня словесные помои с полным для себя удовольствием и комфортом. Опять-таки – никакой разницы. Проверено, да и соседи поделились...

Собственно, это одна из причин, почему мы вообще смогли снять жильё в такой близости от Москвы. Желающих жить с такой склочницей мало, да и те, как правило, быстро съезжают, зарекаясь когда-нибудь ещё... И вот что-то подсказывает мне, что скоро съедем и мы, причём – в любом случае!

Чищу зубы под рукомойником, краем уха выслушивая плохо связанные фразы, полные яда и неудавшейся жизни.

– ... воды сколько на себя тратят! Ишь...

... и плевать ей, что воду эту я сам вчера и натаскал, и что стекает она в ведро, которое потом буду выплёскивать либо я сам, либо, что менее вероятно, кто-нибудь из моих родителей.

Потом, растеревшись полотенцем и оставив его на раковине, посещаю кабинет задумчивости, стараясь дышать через раз, чтобы не проглотить одну из жирных зелёных мух. Но хотя бы чисто... насколько это вообще возможно для подобного заведения.

... уж по сравнению с общественным – так уж точно!

– Да что ж это такое! – взрывается бабка праведным гневом, видя, как я после туалета мою руки, – Ишь...

Вслед мне несётся поток разнообразной брани, пожеланий и проклятий.

– Калоша старая... – говорю в сердцах, заходя во времянку и борясь с желанием хлопнуть дверью, – Как ни сделай, а всё ей не так!

– Не надо так говорить, – хмурится мать, – Старый человек...

Подавив желание закатить глаза, слушаю нотацию, но впрочем, мама не перебарщивает с нравоучениями, и, сказав обязательное о «старом человеке» и о том, что надо быть более терпимым к людям, заканчивает тем, что с жильём вообще плохо, а нам, да тем более почти в Москве, совсем сложно! Вздыхаю покаянно, и на этом всё заканчивается.

– Минут десять ещё, – говорит мама, услышав бурчание в моём животе, – Чуть-чуть потерпи, ладно?

– Угум... – удалюсь к себе в комнатунку, и, раз уж есть время, делаю разминку, что в такой тесноте совсем непросто.

К завтраку подошёл отец, успевший ещё затемно сбежать на станцию, чтобы встретиться там со старым товарищем. Судя по озабоченному виду и горизонтальной морщине над переносицей, всё не так-то просто...

Ел он медленно, постоянно о чём-то задумываясь и хмурясь ещё сильнее, хмыкая и прикусывая губу. Если бы не мама, постоянно тормозящая его со всякими пустяками, он бы, наверное, вовсе завис.

Потихонечку отец отживел и начал нормально есть, разговорившись с супругой. Как это бывает у людей, давно живущих вместе и понимающих друг друга даже не с полуслова, а с полувзгляда, речь их полна многозначительного хмыканья, вздёрнутых бровей, междометий и оборванных в самом начале фраз.

Они друг друга понимают прекрасно, а мне, кроме слов «лимиты» и «прописка», мало что понятно. Спрашивать, впрочем, не ко времени, да и не факт, что ответят. Ситуация с еврейством, старательно скрываемым от собственного сына, много говорит об их характере...

Впрочем, скоро мне стало ясно, что речь идёт если не о прямой реабилитации отца, то как минимум, о возможности устроиться на работу в ближнем Подмосковье, пока идёт рассмотрение дела. Москва, да и Подмосковье в целом, режимная зона, но вроде как, есть возможность обойти сложности, обратившись в какую-то Комиссию, или (здесь я

не разобрал толком) к кому-то в Комиссии.

Суеверно постучав по столу, мама добавила несколько слов на идише, и почти тут же, легко подхватившись из-за стола, выскочила во двор на какой-то шум.

– К обеду участковый подойдёт, – вернувшись, сообщила она, – по поводу временной прописки, и вообще...

– Да чтоб его... – беспомощно сказал отец, из которого будто вынули стержень, и я понял, что ситуация более серьёзная, чем мне представлялось. Не знаю, какие неприятности могут быть от участкового, но родителям, многоопытным ссыльным, видней...

– Пойду пройдуся, – сообщаю родителям, которым, очевидно, нужно обсудить непростую тему, и, закрывая дверь, успеваю заметить, как мама, благодарно кивнув мне, успокаивающе гладит супруга по плечу.

– Ой вэй... – выдыхаю одними губами и сутулюсь, борясь с желанием до крови оббить кулаки о стенку сарая. Оглянувшись, не видит ли кто, вытаскиваю из тайника в поленнице початую пачку папирос и спички, и иду прочь со двора.

Быстро, быстро... ещё быстрее! Вскоре я срываюсь на бег и бегу, задыхаясь, через деревню, сопровождаемый лаем собак, перепрыгивая через канавы, неведь зачем прокопанные строителями и уже начавшие заполняться водой, огибая кучи строительного мусора и оскальзываясь на пластах земли, вывернутых строительной гусеничной техникой.

Добежав до шоссе, я, забыв о папиросах, долго стоял, задыхаясь не то от нехватки воздуха, а не то от избытка ярости. Почему?!

Почему нас всегда – сложно?! Почему наше государство устроено так, что всегда, как бы оно ни называлось, его гражданам подданным нужно всегда с чем-то бороться, преодолевать и доказывать?!

Не гореть ради высоких, но чужих целей... Не быть винтиком, не быть щепкой или смазкой для механизма Истории, а просто – жить!

– А потом, блять, удивляются... – криво усмехнулся я, вспоминая наконец о папиросах и закуривая, – почему Зворыкин и Сикорский – в Америке? Почему Хавкин и Мечников – во Франции и Англии, но, сука, не в России, как бы она не называлась!

– Да блять... – затаившись, усмехаюсь, провожая взглядом бедно одетую женщину, ведущую по обочине шоссе деревенское стадо с прутиком в руках, – любой патриотизм сломается о такую действительность! С хрустом! Через колено!

Стоя у обочины шоссе, я курил одну папиросу за другой, и опомнился, только почувствовав тягостное ощущение в лёгких и горечь на языке. Мимо, с рокотом пронзая летний воздух, проносятся грузовики, редкие автобусы и совсем уж редкие легковые автомобили.

– Да чтоб тебя... – бормочу с досадой, глядя на оставшиеся в пачке папиросы, и, хмыкнув, решительно сжимаю кулак, сминая их в труху.

– Всё равно бросить хотел, – выдыхаю, чувствуя какое-то облегчение, и, чуть помедлив, выкидываю пачку в кусты, заваленные строительным мусором и припудренные старательно измятыми клочками газет. Игривый ветерок подхватил несколько таких обрывков, и они закружились причудливыми бабочками, так что я поспешил отойти подальше.

Пройдясь вдоль обочины, отыскал полынь поближе к дороге – там, где строители коммунизма не превратили ещё окрестности в один большой, размазанный в пространстве, общественный туалет. Сорвав молодые листочки, тщательно растёр их в ладонях, а потом, заранее морщась, пожевал их.

– Ф-фу... – выплюнув, долго соскребаю языком и пальцами остатки полыни из онемевшего рта, – так себе маскировка, конечно, но за неимением лучшего сойдёт.

Вспомнив деревенских собак, норвящих исподтишка схватить за пятки, выломал подходящий батожок и пошёл вдоль дороги, задумчиво срезая с него веточки складным ножом. В голове крутится всякая бестолковщина авантюрного толка, а возраст, увы, вполне ощутимо давит на мозг, и виденья того, как я нахожу клад, пишу хит для советской эстрады или граблю сберкассу, не желают уходить.

– Да, знал бы... – вздыхаю сожалеючи, и несколько минут проходит в пустых фантазиях, как бы я, зная о своём грядущем,

щем попаданстве, мог подготовиться. Клады, советские и англоязычные хиты, колебания биржи, громкие спекулятивные акции...

Список выходит длинным, но увы! Если в профессиональной области и в ряде соседних я более чем компетентен, то вот музыкой, к примеру, никогда не интересовался всерьёз, а если что-то и слушал, то всё больше англоязычный металл и тяжёлый рок, где важны не слова текста, а музыка и драйв. Русскоязычное слушал много реже, но сомневаюсь, что местная цензура пропустит рэп, да и не ко времени этот музыкальный жанр, даже в Америке – не ко времени...

С кладами и колебаниями биржи – аналогично. Бывало, попадалось что-то этакое в интернете, но мусолить чужие успехи или неудачи всерьёз?! Увольте! Так... глазами зацепиться на несколько секунд, пока делаешь глоток кофе, а потом – дальше, дальше по новостной ленте...

С катастрофами, будь то природными или техногенными, в голове столь же скучно и пусто. О Чернобыльской Катастрофе, к примеру, я помню только последствия, а когда она была... Середина восьмидесятых, кажется? Весной... или нет.

Политика? В современной мне разобрался всяко лучше среднего обывателя, но ковыряться, кто именно развалил СССР, как и кого предал Горбачёв, и уж тем более, в политических раскладах Брежневского ЦК, я не испытывал никакого желания!

– Неправильный я какой-то попаданец, – невесело констатирую несколько минут спустя, опуская глаза на батожок, где руки, без малейшего участия головы, вырезали причудливые узоры, – Однако...

Поковырившись в памяти, не нашёл за собой особых художественных талантов ни в той, ни в этой жизни, да и сейчас, собственно, несмотря на всю причудливость, вырезанные на батожке узоры даже с большой натяжкой сложно назвать искусством. Но...

– Мелкая моторика, – задумчиво сообщил я невесть кому, с изумлением шевеля пальцами, будто никогда их не видел, и чувствуя, как от живота поднимается к груди волна горячего восторга, чтобы взорваться в голове фейерверком эмоций.

– Рано ещё судить... – я замолк на полувздохе, не желая впустую обнадеживать сам себя. Но кажется (пока нет твёрдой уверенности!), организм потихонечку восстанавливается...

Ощущение тела, как необмятого костюма с чужого плеча, нет-нет, да и возвращается, но эти узоры, чёрт подери, очень хороший знак! Вот так вот, не глядя... Нет, функции мозга точно восстанавливаются! Работы ещё много, да и вообще... Подавив индейский вопль восторга, рвущийся из груди, я вздохнул полной грудью, и лёгкие, кажется, стали литра на два больше!

Неприятности в настоящем не то чтобы померкли, но по-

серели, поблекли, отодвинулись на задний план и потихонечку прислонились к декорациям, покрываясь пылью. Что, в конце концов, может сделать нам здешний участковый? Отказать во временной прописке?

Плюнуть и растереть! Ну, сменим место дислокации и попробуем заново... а потом, если надо будет, ещё и ещё! Да даже если не выйдет зацепиться за Москву, то и чёрт с ней!

Жаль, конечно, но есть ведь и другие крупные города. Ну, возможности чуть похуже... для чего бы то ни было. Прорвёмся!

Глянув на часы и прикинув примерно, когда может придти участковый, я задумался было, но, поразмыслив немного, решил дать родителям возможность побыть вдвоём. А как уж там они... сами разберутся.

Покручивая батожок в руках, и то насвистывая, то напевая из обрывков песен, пролезших в мою голову после размышления о возможной музыкальной карьере в СССР, я потащился вдоль шоссе, а потом, опомнившись, свернул в сторону деревни. А то в таком состоянии я да-алеко убрести могу...

Забравшись на холм, с сохранившейся пока, но уже изрядно прореженной берёзовой рощицей, я пытался сопоставить в голове все эти колхозные поля, старые домишки, покосившиеся от времени заборы и сараи, и – Москву! Урбанистическую, задыхающуюся от смога, задавленную пробками!

– Полвека спустя это будет едва ли не центр, – бормочу я, прикусывая губу, и, прищурясь, вижу, кажется, миражи высоток, торговых центров и дорожных развязок здесь, среди унылых колхозных полей, разбавленных редкими стройками, – а вот к лучшему ли... вопрос на засыпку!

– Полвека, – задумчиво повторил я, и в который уже раз осознал, что даже в США эпоха персональных компьютеров, мобильных телефонов и стартапов придёт ещё ой как не скоро! Да собственно, и со свободой слова, равно как и с привычной мне толерантностью и социальными программами, сейчас, пожалуй, дела обстоят не столь... хм, радужно!

Настроение у меня не то чтобы испортилось, но былой фейерверк эмоций поутих, и с холма я спускался в некотором миноре.

Решив, для разнообразия и новых впечатлений, вернуться другим путём, я дал изрядного крюка, о чём вскоре пожалел. Деревенские дороги, и так-то вечно разбитые, с накатанными колеями и горбами, вспухающими в самых неожиданных местах, с появлением строителей стали чем-то совершенно невообразимым.

– Полигон для испытания тяжёлой гусеничной техники, – ядовито комментирую я, и, примерившись, прыгаю через канаву, на дне которой виднеется толстенный слой жидкой грязи с радужной плёнкой солярки поверх, – и за будущие десятилетия ну ничего...

– Да мать твою! – земля, вывернутая гусеницами тяжёлой строительной техники, поехала под ногами, и я, похолодев, начал падать спиной вниз. Каким-то чудом извернувшись, сломавшись в противно занывшей пояснице самым противоестественным образом, ухитряюсь удержаться на самом краю, припав на одно колено и на руку.

Земля под ногами шумно осыпалась в вонючую канаву, я, переведя дух, осторожно встал, чувствуя рассаженное колено и ушибленное запястье. Помогая себе батошкой, по шапочку отошёл от края, и, переведя дух, сплюнул, покачав головой.

– Нормальные герои всегда идут в обход... – бормочу под нос и пытаюсь, хоть навскидку, оценить, а как там дальше?

– Вроде как самая сложная часть квеста уже закончилась, – и, отряхнувшись, решаю-таки идти дальше, рассудив, что худшую часть маршрута, я, кажется, уже прошёл...

– Полоса препятствий, – констатирую злобно, сходя с дороги на обочину и идя вдоль покосившегося забора, через густой, пыльный и, такое впечатление, обоссанный бурьян. Мелкая собачонка за забором, почуяв чужака, заходится в истерике, и её визгливый лай подхватывают деревенские собаки, выскакивая из-под заборов и сопровождая меня косматым роем.

Какая-то баба, толстая и неопрятная, вышла на крыльцо и уставилась на меня, приложив руку козырьком.

– Чево это ты тут? – тупо поинтересовалась она, – А? Чево?

Не отвечая, хотя на язык просится очень много слов, толкаясь во внезапно образовавшейся очереди, иду дальше, стараясь не провоцировать собак, которых стало избыточно много.

– Да чтоб вас! – псины, не оценив моего миролюбивого настроения, решили попробовать меня на вкус, и, откинув парочку пинками, я презрел пацифизм и начал весьма решительно отмахиваться батошкой.

– Не нравится? – тычу концом батошка в оскаленную морду, и яростный рык сменяется визгом.

– Н-на! – собака, поддетая в бок носком ботинка, улетела в канаву.

Ещё несколько взмахов палкой, и нападение было отбито, а я выбрался на оперативный простор без потерь. Не считая моральных...

Мимо, натужно взрѣывая, обдав меня густым, чёрным выхлопом дрянной соляры, проехал трактор, припадая на обе стороны. Через полсотни метров он остановился, раскорячившись посреди дороги, и два индивидуума неопределенного возраста, но сильной помятости, слезли с него, решительно направившись к одному из домишек.

Сплюнув на дорогу, пожелал строителям всего хорошего, и особенно – настроения!

– Ур-роды... нарочно ведь подгазовали, когда мимо проезжали!

Между тем, уроды, дойдя до калитки, остановились и замолотили в неё.

– Валька! Валька, открывай! – голос хриплый, пропитый и прокуренный, но хорошо поставленный, способный донести заветное «Майна, блять!» за десятки метров, невзирая на шумы работающей на стройке техники.

– Да ёб твою мать, Валька! – зычно поддержал напарника второй гегемон¹, – Открывай!

Дальше пошло вовсе уж непечатное, и я, поморщившись немного, ускорил шаг, желая проскочить всё это побыстрее. Побыстрее, впрочем, не получилось, и, едва не подвернув ногу, поскользнувшись на лужице солярки поверх россыпи битого бутылочного стекла, я вынужденно пошёл осторожней и потому – медленней.

– Да ёб... – натужно выдавил из себя кто-то из мужиков, и, встав на плечи присевшего напарника, полез через забор, цепляясь пузом и отчаянно матерясь под аккомпанемент надрывного собачьего лая.

---

¹ Я работал в ТРЁХ строительных организациях, в том числе и с представителями старшего поколения (в конце 90-х), так что зарисовки из серии «Их нравы» делаю с натуры, и это не трэш, не пиковые моменты, а будни. Трэш – это когда за-таскивают в вагончик безногую женщину и заливают её водкой до полного изумления, чтобы потом тр@хать всем коллективом, и так – до конца командировки. Это, к слову, делали именно представители старшего поколения, которым сейчас по 70–80 лет. И да – на тракторе, грузовике или автокране в село за самогоном, в разгар рабочего дня – это нормально. Будни.

Полминуты спустя, открыв калитку и загнав скулящего барбоса в конуру пинками и поленьями, славные представители пролетариата уже барабанят кулаками по входной двери, причём в их стуке угадывался какой ритм, и даже, не побоюсь этого слова – мелодия!

«– Не иначе как «Варшавянку» или «Интернационал», – ёрнически подумал я, невольно косясь на жанровую сценку, хорошо видимую через настежь распахнутую калитку, противно скрипящую на ветру.

– Валька, бля! – хрипит один из них, не переставая молотить кулаками, – Открывай давай, бля! Непонятно, что ли?! Трубы, сука, горят!

– Да, открывай! – вторит другой, добавляя в чёткий, слаженный ритм, удары ногами, – Кому сказано, ёб твою мать!

– ... прочь, ироды! – послышался в ответ приглушённый старушечий голос, – Вы мне денег так и не отдали! Вот когда...

– Открывай! – медведем взревел один из гегемонов, перекрывая возражения, – Дверь, на хуй, вынесем! Там коллектив помирает, а ты, бля, помочь не хочешь?! Фашистка!

«– Чёрт...» – невольно замедляю шаги, примериваясь, как, если что, гасить этих...

... но почти тут же, скривившись, решительно ускоряю шаг. К чёрту!

Самое страшное, что может грозить бабке, это конфискованный и в последующем распитый самогон, ну и совсем

уж в тяжёлом случае – затрофеенные остатки прошлогодней капусты из кадки в подполе, если гегемоны посчитают себя оскорблёнными, и решат взять своё за моральный, так сказать, урон!

– А потом она придёт на стройку, и всё ей вернут... – угвариваю себя, проходя мимо, – деньгами, или там по хозяйству чего...

Липкое, противное ощущения соучастия в преступлении обволакивает меня. С одной стороны, сделать что-то я не могу... да и глупо всё это!

А ещё – опасно. Несколько сот мужиков, не обременённых моралью и интеллектом, зато живо откликающихся на крик «Наших бьют», не задаваясь вопросами – а за что, собственно, огрѐб один из «Ваших», шакалами рыскающих по окрестности, это...

Сталкивался уже, и повторения не хочу! Как там... интеллект толпы равен интеллекту самого глупого его представителя, поделѐнный на количество членов².

– ... без денег не дам! – бабка, как опытная подпольщица, ведёт свою борьбу, не открывая двери, – А ишшо мастер ваш, который Саныч, обещал мне, старой, сапог в жопу вставить, если я...

– Бесславные ублюдки против Старой Самогонщицы, – несколько истерично хихикаю я, и, проходя мимо трактора, невольно замедляю шаг, прикидывая, что с ним можно...

---

² Терри Прагчетт.

– Да к чёрту... – опомнившись вовремя, шепчу одними губами, – вот же возраст какой поганый! Давит гормон на мозг! Так давит, что до полной отключки!

Трактор уже не виден из-за поворота, и я несколько расслабился. Оглянувшись зачем-то ещё пару раз, пошёл спокойней.

Деревенская улица здесь пошире и не такая угандошенная. Обычная, можно даже сказать – каноническая, со слегка горбатой, виляющей в разные стороны дорогой, обочины которой прочерчены глубокими колеями с зеленоватой от тины водой, где выведено не одно поколение головастиков, считающих эти лужи своей Родиной.

Кое-где около домов высокие деревья, под ними грубо сколоченные скамейки или чаще – обычные брёвна, наспех ошкуренные там, где должно располагаться сидалище. Всё очень неприхотливо и своеобразно, с шелухой от семечек и стеблями бурьяна разной степени чахлости, как неизменной частью местного дизайна. Культурной особенностью.

Народу ни на улицах, ни во дворах, почти нет по летнему времени, и...

– Да чёрт! – я шарахнулся от мужика, неожиданно спрыгнувшего с пошатнувшегося забора.

Хохотнув, и показав нечастые и нечистые зубы, работяга подмигнул мне, и, вытащив из-за пазухи редиску, небрежно

обтёр её о рукав спецовки и с хрустом откусил.

– Не убудет от бабки, – заговорщицки сообщил он мне, снова подмигивая и скаля желтоватые зубы. Совсем ещё не старый, от силы чуть за тридцать, работяга уже основательно потрепан тяжёлой работой, водкой, бараками и всей этой скотской жизнью, которую он, наверное, считает совершенно нормальной.

Дальше работяга не продолжает, но и так, без лишних слов, ясно, что он считает себя вправе раскулачивать селян, потому как а что они... в самом деле?! А?!

Вытащив из-за пазухи ещё одну редиску, он протёр её о спецовку, поглядел, поплевал и протёр ещё раз, после чего протянул мне, подмигивая и скалясь.

Машинально, на одной брезгливости, делаю пару шаг назад, и лицо у работяги искажается так, что ещё чуть – и без грима в фильм ужасов, на роль второго плана.

– Чистеньким хочешь быть? – делая шаг вперёд и по-гусиному вытягивая загорелую, обветренную шею, шипит он, брызгая слюной, – Смотри, сучёнок...

Куда и почему я должен смотреть, не вполне ясно, но накал ненависти несообразен ситуации, и я понимаю, что это, наверное, что-то психическое... чёрт!

Дальше, впрочем, конфликт не продолжается, и он, сплюнув себе под ноги, остался стоять, глядя на меня с непонятным вызовом. А я, не отрывая взгляда от странного, и кажется, опасного типа, бочком удаляюсь по дороге, готовый,

если вдруг что, сорваться в галоп. Ну его на хрен!

Отойдя подальше, я перевёл дух и пошёл спокойней, не забывая, впрочем, поглядывать не только по сторонам, но и назад! От греха...

Вскоре, впрочем, меня отпустило, и я пошёл чуть помедленней, не без удовольствия глаза по сторонам, и чувствуя себя не то туристом в глубинке, не то членом этнографической экспедиции, не обременённым особыми обязанностями. Собаки здесь, не взбудораженные рёвом строительной техники и нашествием нахальных незнакомцев, в большинстве не агрессивны, и, твякнув вслед пару раз, тут же виляют хвостами (ничего личного, бро, служба!), теряют всякий интерес и продолжают заниматься своими собачьими делами.

Деревенька, в которой мы нашли временный приют, лентой вытянулась вдоль колхозных полей, и если там, ближе к стройке, всё испохаблено и загажено, то здесь, куда строители почти не заезжают, она вполне живописна, и местами – хоть на открытку! Некоторые дома прямо как игрушечные, с резными наличниками и прочими признаками справных хозяев, которые заботятся не только о желудке, но и о душе.

Деревья здесь старые, раскидистые и кучерявые, со скворечниками почти на каждом, с белёными по весне стволами, и до того порой красивы, что время от времени, забывшись, я останавливаюсь, и, хлопая себя по карманам, ищу телефон, чтобы сделать фото.

Вся эта красота, увы, изрядно заброшена, ибо лет через

несколько деревня с многосотлетней историей канет в Лету, и на её месте вырастет либо безликий микрорайон, либо, что более вероятно, промзона.

Отсюда, а отчасти и потому, что мужиков, да и собственно молодёжи, из-за близости столицы, почти и не осталось, строители ведут себя так... как ведут. И так-то – не образец хороших манер...

Они уже видят на месте домов котлованы, а огороды почищают за бесхозные. А тут, мать их, какие-то местные, с частнособственническими интересами! Ну не обнаглели, а?!

С психологии строителей в частности и гегемонов вообще, меня перекинуло на квартиры, которые, по идее, должны выделить деревенским жителям. Не знаю, как сейчас обстоят дела в Союзе, и какие здесь законы и нормативные акты, но что-то вот сомневаюсь насчёт отдельных квартир...

Семье с детьми? Да, вероятно... Но вот одинокая бабка, дети и внуки которой прописаны где-то в городах, получит, скорее, комнату в коммуналке, а может быть, и в тёплом, почти благоустроенном бараке! Строго по нормативам, разумеется...

Мельком глянув на ковыляющую по дороге старуху, тащашую на согнутой спине тяжёлый узел, я задумался – а будет ли такая бабка рада комнате в коммуналке – с отоплением, водопроводом и благоустроенным туалетом? Казалось бы, да...

...но трёхрублёвая колхозная пенсия при отсутствующем

огороде и проданной корове-кормилице...

Вскоре показались знакомые дома, и мысли о социальной справедливости, пенсиях и нормативных актах вымело из головы, как метлой. На ходу разминая плечи, свернул к турнику, чуть кривовато висящему меж двух старых берёз, и выполнил несколько подходов.

А после, чуть передохнув, с превеликим трудом сделав выход силой, уселся на железяке, поглядывая в сторону дома. Квартирная хозяйка, закончив возиться в огороде, разогнулась и поковыляла в дом, держась за поясицу.

– Это я удачно... – тут же соскочив, поспешил проскочить во двор через заднюю калитку в огороде. Тряхнул за ручку раз, другой, деревянная щеколда повернулась, и калитка, негромко скрипнув, отворилась.

– Так себе преграда, – хмыкнул я, проскальзывая внутрь и снова запирая калитку, – от честного человека! Хотя... скорее от коров и коз, а до появления строителей, судя по всему, проблем с воровством в деревне не возникало.

Дорожка, выложенная из плах, камня и битого кирпича, давно требующая ремонта, огибает стоящий на задах хлев, из которого густо пахнет навозным духом, и сараи, доски которых от времени не только потемнели, но и осклизли.

«– Бестолково всё как...» – невольно, и в который уже раз, возникает презрительная мысль. С моим, пусть и невеликим, опытом строителя и дачника, я вижу буквально десятки ве-

щей, которые можно сделать проще, лучше, иначе...

Приходится напоминать себе, что предки не тупые, но у них не было... то есть нет (!) соответствующих знаний, материалов и денег. Это – классическая ловушка нищеты³. Когда нет капитала, знаний и прочих ресурсов, чтобы хоть немного улучшить свой уровень жизни, который и без того очень низок, ты не можешь пополнить ресурсы, и ситуация становится по сути безвыходной.

«– А ещё, – мелькнула мысль, пока я, задержав дыхание, обходил хлев, – здесь очень распространено «мышление краба⁴» в его классическом виде»

Сразу во времянку идти не стал, покрутившись предварительно в огороде, куда выходило одно из окошек. Поколыхав кусты красной смородины, и оборвав несколько незрелых

---

³ Ловушка бедности (ловушка нищеты) – самоподдерживающиеся социально-экономические механизмы, которые затрудняют выход из нищеты и оставляют людей на прежнем уровне из поколения в поколение.

⁴ Теория «Ведро с крабами» говорит, что крабы настолько глупые, что поодиночке каждый из них легко бы выбрался из ведра, но когда один из них пытается выбраться, его же сородичи, цепляясь, затаскивают его назад. Термин «менталитет краба» используется для описания эгоистичного, близорукого мышления, которое настроено на установку «Если я не смогу, то и вы не сможете». Когда человек пытается бросить курить, а дружки говорят «всё равно не получится» и протягивают сигарету – «ведро с крабами». Когда ты получаешь второе высшее образование, а коллеги громко удивляются, зачем тебе это надо, ведь на работе и так устаёшь – «ведро с крабами». Когда твои собственные родители говорят тебе, что ты глуп (неудачник, бездарь, ничего путного не выйдет) – да-да, всё то же ведро.

кистей, от которых связало рот, я счёл, что дал им достаточно времени, на... чтобы то ни было.

Суду по виду родителей, они правильно воспользовались им, и я, машинально потянув носом воздух и уловив густой, тяжёлый запах недавнего секса, внезапно смутился и выскочил во двор, полыхая ушами. Родители явно чувствующие себя несколько неловко, вышли чуть позже, стараясь не глядеть на меня и друг друга.

В ожидании участкового сели играть в карты, вытащив во двор кухонный стул и табуретки. Играем без изысков, в дурака, рассеянно, больше для того, чтобы просто скоротать время.

Мама, к слову, очень сильный игрок, который прекрасно просчитывает ходы, блефует, показывая любые эмоции, и, при необходимости, мастерски передёргивает карты. Это не ново для меня, но играет она профессионально, и каждый раз, видя, как она только что неловко тасовала колоду, а потом, подмигнув мне, показывает какой-то трюк, удивляюсь, как в первый раз.

Я постоянно отвлекаюсь на всякие мысли, и, продолжая рассеянно играть, взялся представлять ожидаемого участкового...

«Грузный, тяжёлый, немолодой человек в аккуратном, но несколько вытертом кителе, вошёл, поздоровавшись с нашей хозяйкой, и, обронив о жаре, неспешно уселся на предложенный стул, скрипнувший под весом немалого тела.

– Может, чаю? – нерешительно предложила мама, вставая, – Мы с Севера, вы такое варенье здесь вряд ли найдёте!

– Ну... – участковый, сняв фуражку, протёр плешь, – давайте, чего уж.

Мама захлопотала, а участковый завёл с отцом неторопливый разговор о погоде, о том, что деревня превращается в город, и что бывшему ЗК, понятное дело, нигде не сладко.

– В Москве, да... – отпивая по глоточку, и, аккуратно черпая варенье ложечкой, говорил милиционер, облизывая полные губы, – сложно! Непростой колхоз, сами понимать должны...

– Так как ягода называется, вы говорите? – внезапно сбился он, повернувшись к маме. Она ответила, и разговор, вильнув, перескочил на кулинарные темы, чтобы через несколько минут вернуться в свою колею.

– Сложно, да... – сочувственно качал головой участковый, промокая плешь платком, – но сами понимать должны – Москва! Н-да...

Я уже понял, что участковый и сам не знает, чего от нас хочет...

... но вне всяких сомнений – каких-нибудь благ! Не взятка... упаси Боже, Карл Маркс и Владимир Ильич! А так...

Не то несколько баночек солений, не то купюра покрупней, сложенная конвертиком и засунутая в кармашек кителя. Сейчас ещё год-два, и на пенсию, и надо бы...

А с другой стороны, стоит ли рисковать? Да и вообще...

Времена нынче не те, а бывших политических сейчас иногда так реабилитируют, что они, пусть очень нечасто, взлетают достаточно высоко! Как знать...»

В калитку забахали кулаком, и через несколько секунд на крыльце показалась квартирная хозяйка.

– Бегу-бегу! – тоненьким, подхалимским голоском отозвалась она, с кряхтением вбивая старческие ноги в дырявые калоши.

Проходя мимо нас, она усмехнулась злобно, и шустро заковыляла к калитке.

– Уже! – послышалось почти тут же. Невнятный разговор...

... и во двор прошли двое в штатском, а меня, кажется, на миг остановилось сердце...

– Савелов Иван Аркадьевич? – осведомился один из них, с лицом колхозного активиста и отпечатком причастности на грубо вылепленном лице. В его руке красным мотыльком мелькнуло удостоверение, раскрывшись и тут же пропав, – Пройдёмте!

Глава 2

В Кагэбе на опыты

Крикнув раненой птицей, мама вскочила, но отец, сверкнув глазами, осадил её без слов, и она медленно, потерянно, опустилась на протяжно скрипнувшую табуретку, судорожно перебирая пальцами ткань длинной старенькой юбки.

– Как же так... – только и сказала она, и замолкла, замкнувшись в себе. Только губы шевелятся, и, кажется, будто она шепчет заученную с детства молитву.

Отец, усмехнувшись криво и зло неведомо кому, с непонятным вызовом свёл руки за спиной, и, подмигнув мне, тут же показал глазами на мать и пошёл со двора так, что эти, серые, вынуждены были догонять.

– ... гражданин Савелов! – услышал я, и, опомнившись, вскочил, побежав вслед за отцом. Зачем... что я хотел увидеть или сделать? Не знаю...

Выбежал... и остановился на внезапно ослабевших ногах. Чтобы не упасть, привалился плечом к забору, глядя на «Москвич» цвета лежалого кирпича, в который садится отец. Обычная, совершенно каноническая советская машина, с монетами под резиной на окнах, чтобы они не дребезжали, и рулём, оплетённым каким-то шнуром.

Наверное, в салоне есть ещё что-то такое, что я не мо-

гу увидеть, но положенное внутренними нормативными актами и постановлениями оперативным автомобилям, чтобы не выделяться, не бросаться в глаза своей безликой, официальной служебностью. Эта обыденность, с какой они держали отца, эти серые неинтересные костюмы от фабрики «Большевичка» и кирпичного цвета «Москвич», сливающийся с тысячами-тысяч таких же индивидуально-безликих машин, кажется чем-то неправильным, противоестественным.

От увиденного повеяло внезапно такой тоской и безнадёгой, что на миг, кажется, остановилось сердце... Но отец, обернувшись, кивнул мне и одними губами сказал:

«— Мать береги!» — может, мне и показались эти слова, но что ещё он мог сказать?!

Киваю, сжимая кулаки, и меня бросило в жар, будто по венам пустили кипяток.

Двери автомобиля захлопнулись, и почти тут же он дёрнулся вперёд, покотив по деревенской дороге, поднимая шлейф пыли и собирая за собой деревенских собак.

«— Ненавижу...» — если бы экстрасенсорные способности были чем-то хоть чуточку реальным, те двое уже, в сером, уже были бы мертвы! Накал ненависти такой, какого я, наверное, не испытывал в обеих жизнях. Даже не подозревал, что умею так ненавидеть...

Краем глаза вижу домохозяйку, тоже зачем-то вышедшую за калитку, но она, как и всё остальное — фон, ничего не зна-

чащий, не имеющий никакого значения. Мир, здесь и сейчас, из огромной, непостижимой Вселенной, сузился до «Москвичка» кирпичного цвета, удаляющегося сейчас по просёлочной дороге.

Не знаю, сколько я так простоял, но, наверное, недолго, хотя по ощущениям – Вечность. Собаки, выпроводив чужаков, только-только начали возвращаться, имея лихой и усталый вид победителей, справившихся с серьёзной опасностью. Там, где-то вдаль, ещё слышится заливистый лай...

– Ненавижу⁵, – хрипло повторил я, отлепляясь от забора и не отрывая взгляда от дороги, – и не прощу. Никогда, что бы...

В эти минуты я необыкновенно остро понял антисоветчиков. Людей, которые ведут безнадежную борьбу с системой, выходя на улицы и площади советских городов с самодельными плакатами, распространяя данные о событиях в Новочеркасске⁶, и требуя всех тех прав и свобод, которые для меня, человека двадцать первого века, кажутся не только естественными, но и неотъемлемыми...

---

⁵ Напоминаю (а я просто вынужден делать это время от времени!), что позиции автора не обязаны совпадать с позицией ГГ.

⁶ 2 июня 1962 года милиция, армия и КГБ СССР расстреляли демонстрантов Новочеркасского электровозостроительного завода, которые выступили против повышения цен (это специально для адептов «В СССР цены ТОЛЬКО снижали») на продукты. Информация о количестве погибших и раненых долгое время была засекречена. Сегодня официально известно о **26** погибших и порядка 90 раненых.

... но похоже – только кажутся!

Ощущая себя так, будто только что вышел из больницы и не привык ещё к собственному телу, я медленно прошёл в калитку, закрывая её за собой. Шаг, ещё шаг... дорожка от калитки, ведущая к крыльцу хозяйского дома и времянке, которую мы снимаем, необыкновенно отчётливо врезается в память, и наверное, я навсегда запомню её. Булыжники, обкатанные речной водой, куски кирпича, непригодные для чего-то большего, и кое-как обтёсанные куски бревён, давно уже трухлявые и требующие замены.

Несколько слепит глаза солнце, стоящее сейчас почти в зените и не прикрытое облаками, тревожит кожу ветерок, принося всю богатую палитру деревенских запахов. Хороший день... и это кажется отчаянно несправедливым!

Очень хочется лечь и не думать ни о чём, а просто грызть кулаки, выть беззвучно и желать, чтобы отец – вернулся, а эти, в сером, сдохли! Вся этак КГБшная мразь...

Шаг... я вижу маму, раскачивающуюся на табуретке, и кажется, не замечающую никого и ничего. Она шепчет что-то на иврите... хотя что может шептать дочь раввина в такие минуты?!

«– Мать береги» встаёт передо мной, и, с невообразимым трудом сбросив с себя покрывало серого морока, я выпрямился и вздохнул полной грудью, от чего внезапно закружилась голова – наверное, о того, что всё это время я бы

скрюченным, скукоженным и дышал через раз... А впрочем, неважно!

– Всё будет нормально, мама... – засуетился я, не пытаюсь выдёргивать её резко, – вот увидишь! Я сейчас чаю сделаю, мы попьём и подумаем, как нам быть и к кому общаться.

Ноль эмоций...

– Вот увидишь! – через силу продолжаю я, – Всё образуется! Сейчас не тридцать седьмой!

Оставив дверь открытой, я засуетился во времянке, пытаюсь сообразить, как же работает этот чёртов примус?! Видел несколько раз, и со стороны это казалось чем-то примитивным, но нет... есть какие-то нюансы, о которых я ни сном, ни духом!

– ... друзья, в конце концов, – продолжаю я говорить, насыпая в чайничек заварку, и, поскольку заварка дрянь, добавляю туда по листочку земляники, малины и чёрной смородины.

– Ма-ам? Тебе с сахаром? Сахар сразу в чашку положить? – я снова выглядываю из времянки во двор, пытаюсь хоть как-то вовлечь её в разговор, вывести из этого состояния, которое с каждой минутой пугает меня всё больше и больше.

Она всё так же сидит, а вокруг, шупая зачем-то ткань кофты, кружит бабка, за каким-то чёртом выползшая на белый свет.

– Сидите тут? – с нескрываемым злорадством сообща-

ет мне хозяйка дома, морща черносливное лицо и поджигая губы, отчего несколько полусгнивших клыков показались на белый свет, придавая ей необыкновенное сходство с Бабой Ягой. Да не той, из сказок... а настоящей, древней мразью, жрущей детей...

– Ну сидите, сидите, – снова оскалилась она, – Вот и ваш теперь... хе-хе, посидит!

Этот торжествующий оскал многое сказал мне... А артритные руки, по-хозяйски трогаящую ткань кофты, и жадные глаза, косящие в сторону открытой двери времянки, привели даже не в ярость, а в какое-то невообразимое иступление!

– Вот, значит, так... – медленно сказал я, опуская на стол поднос с чашками.

– А вот так, милоч, – торжествующе прищурилась бабка, – вот так! Мало вы...

Я, кажется, зарычал... и сдержался буквально в последний момент, поборов желание удавить бабку, разбить её седую голову об угол дома...

– Да чтоб тебя... – отступаю на шаг назад, и на физиономии противной старухи, отшатнувшей было назад с выражением дикого испуга, снова проступило злорадство. А на меня накатило ощущение гадливой беспомощности. Вот она, стоит передо мной, тварь...

Не зная даже, что и делать, я, от совершенней беспомощности, заругался на смеси идиши и иврита, от чего на лице

старухи проступило опасливое выражение.

«— Они в таком возрасте до черта суеверные» мелькнуло в голове, и я, чувствуя себя совершеннейшим дураком, принялся складывать из пальцев разнообразные фигуры, знакомые всем, кто занимался пальчиковой гимнастикой, ну ли хотя бы смотрел аниме «Наруто»...

Чёрт знает, почему, но иудейское ниндзюцу напугало её, и, затрясая головой, она весьма резво отпрыгнула назад, плюясь и крестясь. А ещё чуть погодя, она, путая молитвы, ругательства и угрозы, она отступила в дом, и я услышал звук запираемой щеколды.

— Миша? — слабым голосом сказала мама, перестав раскачиваться и заново осознавая себя в этом мире, — Папу забрали... надо что-то делать!

— Надо! — согласился я, чувствуя невообразимое облегчение, и налил кипяток в её любимую чашку, а потом уселся напротив, — Но сперва мы выпьем чаю, крепкого и сладкого!

— Чаю... — эхом откликнулась она, оживая и вновь начиная походить на саму себя, а не на пациентку психиатрической лечебницы, — Да, чаю!

Борясь с желанием зареветь, бросится к ней за утешением, занялся чаем, негромко говоря что-то обыденное, положенное такому вот чаепитию в летний полдень. С хрустом ломая баранку, по кусочку кладу в рот, и, щурясь, запиваю чаем...
... и говорю, говорю... Неважно, что! Важны интонации,

обыденность действий, уверенность. Словом, какие-то якоря, за которые можно зацепиться.

– Посидим, подумаем... – я подливаю маме кипятку, и с облегчением вижу, что она стала реагировать более осмысленно.

– Документы нужно будет просмотреть, – отозвалась она, и я выдохнул прерывисто... ну всё, пришла в себя!

– Посмотрим, – киваю с деланным спокойствием, – а пока смотреть будем, как раз успокоимся, и мысли в порядок приведу. Что, как... сейчас, в конце концов, не тридцать седьмой год!

– Разве? – едва заметно усмехнулась мама, вставая с табуретки, и я улыбнулся в ответ, разом став слабее от нахлынувшего облегчения. Шутит... и это значит, что всё хорошо...

– Достань, пожалуйста, тот чемоданчик, – попросила она, – Да, фанерный...

Открыв его, она закопалась в документы, перебирая бумаги одну за одной, откладывая их в сторонку, раскладывая по стопкам и снова тасуя. Особой логики в её действиях не видно, а так... будто карточную колоду бездумно тасует.

– Ма-ам...

– Да? – рассеянно отозвалась она, отрываясь от бумаг.

– Давай сперва чай попьём, – мягко предлагаю ей, – с мятой!

– С мятой? – она непонимающе поглядела на меня, на бумаги в руках... – Да, надо успокоиться!

Выплеснув старую заварку в помойное ведро, и наскоро ополоснув чашки и чайничек, я снова разжёл примус и закопался в мешочки с сухими травами. Мама, не в силах, по-видимому, сидеть на месте, начала помогать мне, и в четыре руки мы быстро закончили, усевшись за столик во дворе.

Именно во дворе, а не во времянке, и это почему-то очень важно мне. Не назло противной бабке, у которой мы вроде как отвоевали территорию... хотя, наверное, какая-то толика самоутверждения имеется, не без этого.

Но больше, и намного, просто от нежелания прятаться в полутёмной комнатухе, сырой, пахнувшей плесенью, трухой и мышами. Не знаю, как у мамы, а у меня, после того, как забрали отца, времянка навевает какие-то нехорошие тюремные ассоциации. Чёрт его знает...

– Орёт что-то, – прислушавшись к воплям домохозяйки откуда-то из глубин дома, констатировал я, откусывая пряник и подбирая с подола рубахи кусочки осыпавшейся глазури.

– Да уж... – обронила мама, беря чашку и тут же ставя её назад, чтобы не расплескать кипяток дрожащими руками, – своеобразная женщина.

– Не ругайся! – погрозил я ей пальцем.

– Но я и не... – начала было мама, удивлённо округляя глаза.

– Но подумала! – перебиваю её, и вижу на губах слабую улыбку, от которой хочется орать от радости.

Не обращая внимания на вопли хозяйки, пьём чай и говорим о всякой ерунде. Здесь, в Подмосковье, снабжение много лучше, чем в нашем посёлке, и казалось бы, мелочь... но какими же, оказываются, вкусными, могут быть свежие, не зачерствевшие в прошлом году пряники, и баранки, не пахнувшие мышатиной!

– ... разные категории снабжения, – рассказывает мама то, что, в общем-то, уже известно мне, но не перебиваю – пусть о чём угодно говорит, лишь бы говорила!

Замолчав, мама склонила голову, с недоумением вслушиваясь в нарастающий шум, и я, поставив на стол чашку и отряхнувшись от крошек, пошёл к калитке, желая выяснить, что же там происходит?! Я уже почти взялся за ручку, как калитка, распахнувшись внезапно, сильно ударила меня по предплечью, по самой косточке, до слёз!

– А-а! – сильные руки вздёрнули меня за грудки, поднимая вверх, и физиономия, густо и неровно поросшая седой щетиной, выплонула мне в лицо, – Вот ты где, паценок?! Сбежать хотел?!

Ничего не понимая, вздёрнутый наверх так, что едва касаюсь дорожки носками кед, и почти задушенный собственной рубашкой, с оторопью гляжу на высокого, мощного старика, выплёвывающего мне в лицо оскорбления пополам со слюной.

– ... жидёнок чёртов, думал...

Прорычав что-то, старик встряхнул меня, буквально волоча дальше, во двор. А толпа деревенских за его спиной наступает с лицами такими суровыми и решительными, что у меня сама собой вылезла мысль о, мать его, погроме!

Страх... липкий, обволакивающий, мешающий думать и действовать...

... а потом какой-то тучный, немолодой мужчина с нездоровой одышкой и багровым лицом, шагнул к маме, встающей из-за стола, и ткнул её в лицо растопыренной пятернёй.

Слабость и страх прошли, накатило холодное, яростное бешенство, и вспомнилось всё, чему меня когда учили!

Сцепив руки в замок, я с силой подал их вверх, и давление на ворот резко ослабло, но сил у меня, очевидно, недостаточно, да и пальцы у этого... клещи, а не пальцы!

Да и вообще, какой он, к чёрту, старик! Руки узловатые, мозолистые, в несмывающемся мазуте и с чернотой под заскорузлыми ногтями, но никаких морщин... и они уже снова смыкаются на моём горле⁷!

Сложенными клювом пальцами бью в ямки меж ключиц – так сильно, как могу... а могу, очевидно, не очень! Поэтому, не жалея, отвожу ослабевшие руки агрессора в стороны

---

⁷ Бэкграунд у всех разный, и есть люди, которые вообще не дрались, и не потому, что трусы, а просто не было необходимости. Но я лично знаю людей, которых вот так, сходу, не пытаясь разобраться в ситуации, забивали ногами и дрекольем, и некоторых – насмерть. Мало того, что невиновного, так в большей половине случаев повод для столь масштабных разборок был совершенно ничтожнейший. Русская провинция, по крайней мере в Липецкой области, она вот такая...

и с силой бью сложенными лодочкой ладонями по волосатым ушам.

Он согнулся, а я, помня о том, что нельзя оставлять недобитых врагов, хватаю его обеими руками за грязную шею и изо всех сил, по всем правилам тайского бокса – коленом в лицо! Н-на!

Оттолкнув его ногой, хватаю со стола нож, и бью того, багроволицего, закруглённой рукоятью под мясистое ухо. Нокаут! Но пока он падает, не жалея, добавляю в голову носком кеда – как могу... а могу, к сожалению, не очень!

Тут же, развернув нож от себя, полосую воздух металлом, и налипшие на нём крошки и повидло, право слово, выглядят ничуть не смешно!

– Вот этот! – визжит бабка с крыльца, тыча в меня пальцем, – Вот он! Вот они! Я! Я сразу увидела, что они не наши! Сразу!

– Не подходи, с-сука... – слушаю её кусочком сознания и полосую перед собой воздух, видя перед собой не людей, а – массу...

Кольшащееся, аморфное нечто, и в этом нечто изредка появляются лица обычных стариков и старух, немолодых деревенских мужчин и женщин. Люди... но не сейчас! Сейчас это – нечто хтоническое, страшное...

... и у меня, из глубин, навстречу такое же хтоническое, страшное...

– Не подходи!

Крепкий парнишка лет семнадцати, с пробивающимися усиками и прыщами протолкался через толпу, и, встав в низкую борцовскую стойку, попытался упасть мне в ноги. Н-на! Коленом в лицо – навстречу, локтем по затылку – как точку в споре, и тут же черчу лезвием ножа перед глазами какого-то решительного идиота...

– Не подходи!

– В Кагэбэ их надо! – пуча глаза, истошным, срывающимся фальцетом орёт бабка, подхватывая стоящий в углу крыльца грязный веник, и тыча им в нашу сторону, как маршальским жезлом, – На опыты! Я таких вражин сразу вижу, я их в тридцатых пачками, десятками! В овраг! Мужик у них за главного, я сразу увидела, сразу позвонила! Сигнализировала!

– ... уголовники какие-то! – шумит толпа.

– Вон, с ножом, попробуй такого... – раздаётся откуда-то из глубины серой массы.

– А эта, жидовка, ишь, зыркает!

– Милицию позвать, – слышится глас разума.

– На опыты! На опыты! – визжит бабка, тыча в нашу сторону веником и приседая зачем-то, – В Кагэбэ! Выкинуть их как есть, без вещей! Я пострадавшая сторона, пусть мне компенсируют! Они, жида, богатые, у них добра много, а я всю жизнь в колхозе, наломалась! Вот пусть эти жидята...

Дальше она понесла вовсе уж какую-то околесицу про КГБ, опыты, про её бдительность, за которые у неё гра-

моты, и про то, что раньше за её, бабкину, бдительность, поощряли материально за счёт добра арестованных. Шуметь в толпе стали потише, и, судя по всему, народ стал задаваться вопросом...

– А какого, собственно, хера?! – протиснувшись вперёд, громко озвучил одорукий мужик в вытертом пиджаке.

– Давай, кум... – протянув руку, он помог подняться тому, седому, не понимающему сейчас, что происходит, где он, и наверное – кто он...

Я, колыхнув ножом, чуть отошёл назад, продолжая насто-роженно следить за народом...

– Ма-ам, – не отрывая от селян глаз, протянул я, – ты как?

– Ох... – она тяжело встал, опираясь на табуретку, и во мне всё заклокотало. С ненавистью проводив взглядом того, багровомордого, которого уже утащили в глубину толпы, я мрачно ссутулился, продолжая слушать всё ещё визжащую бабку.

– В чём есть! В чём есть! – орала та, – А тот, жидёнок, вообще колдун ихний! Меня, старую, проклятиями своими жидовскими, сейчас болит всё из-за него!

– Ах ты ж в Бога душу мать... – заругался один из стариков, – Это, выходит, мы сюда из-за старухи спятившей?! Ну, Никаноровна, я тебя... Сколько раз зарекался...

Разговаривая о своём, народ развернулся и потёк со двора, и ни извинений, ничего! Под ногами – осколки чашек и чайничка – тех, что ещё от дедушки, которые мама ка-

ким-то чудом смогла уберечь.

– Нехорошо... – прошелестел однорукый, остановившись поблизости, – люди к вам поговорить пришли, а вы... Нехорошо.

Селяне ушли, прихватив с собой визжащую бабку, бьющуюся едва ли не в припадке и переругивающуюся разом с доброй половиной толпы. Притом она успевает орать о жидках, которых нужно вот прямо сейчас выкинуть, раскулачить, о том, что ей, старой и заслуженной, наше добро нужнее, и о том, что так будет – по справедливости!

– Я, из-за тебя, ведьмы старой... – взлетает к небу высокий, надтреснутый, совершенно козлиный старческий тенорок.

– ... бросила, сейчас сгорит всё! Мужикам-то мне что на поле нести?! Помои у свиней отобрать?! Смолоду ты, Танька, сукой была, а сейчас и вовсе...

– Они не наши, не наши! – взвивается над толпой голос домохозяйки, – Враги! В Кагэбе их на опыты! В овраг!

– Тебя, дуру старую, саму на опыты надо сдать! – срывающимся прокуренным басом орёт какой-то мужик.

– Я! Таких! – не сдаваясь, орала в ответ бабка, – Десятками в овраг! У меня чутьё! Благодарности!

Дальше последовали имена и фамилии тех, от которых у неё были благодарности, и кое-какие из них показались мне знакомыми по старым газетам, в которых сперва клей-

мили они, а потом – их.

– Кар-р... – вступили в дискуссию растревоженные вороны, с шумом взлетая с близлежащих деревьев, и закружились над толпой, каркая совершенно матерным образом, – Кар-р!

Перепуганные и взлохотенные, деревенские собаки впали в совершеннейшую истерику, захлёбываясь и давясь уже даже не лаем, а воем!

– Правление... – это уже на грани слышимости, – страда в разгаре, а ты людей с работы...

– Участкового...

– Кагэбэ! На опыты!

– Дела-а... – только и сказала мама, вслушиваясь, как крики, карканье и лай удаляются прочь.

– Да... дела, – апатично отзеркалил я, с опасливым недоумением вертя в руках нож. Когда это я... а, да... картинки только что произошедших событий ярко всплыли перед глазами, да так, что до озноба!

Толпа эта чёртова... да и сам я, размахивающий ножом и готовый убивать, это... Не хотелось бы повторения, ни в коем разе!

Положив нож на окно, с кряхтеньем поднял стол. Болит, внезапно, всё...

– Как ты? – интересуюсь у мамы.

– Да... – та неопределённо дёргает плечом, но добавляет всё-таки:

– Он не так уж сильно толкнул меня, просто спина... упала неудачно. Я девчонкой ещё, в войну, на стройке спину повредила, и вот, аукается иногда.

Киваю, прикусив губу, и остро жалею, что тогда, ногой вдогонку, слабо приложил багровомордого по голове. Не так уж сильно толкнул... с-сука!

Мама тем временем, забыв обо всём, присела неловко, осторожно глядя осколок фарфоровой чашки, и слёзы – кап, кап...

Сердце рвануло ноющей болью... Для меня разбитые чашки – просто память о дедушке, которого я никогда не видел, а для мамы осколки её прошлого, и теперь – буквально.

Она, тем временем, принялась очень бережно поднимать осколки, заворачивая их в бумагу, и видеть это – ну совершенно непереносимо! Прерывисто вздохнув, заморгал часто, но помогло слабо, и, развернувшись, я пошёл было во времянку.

Ах да, нож... забрав его, снова недоумённо повертел в руках. Я, и... нет, учили, хотя и не слишком всерьёз, а так – для понимания, что вообще можно сделать против человека, вооружённого ножом.

Но вообще, сколько раз у меня возникали конфликты там, ни разу, вот ни единого, не возникало даже мысли применить его. Да даже просто вытащить и обозначить...

Размышляя над тем, стал ли я более взрывным и резким в новом теле, или сыграла ситуация, показавшаяся совер-

шенно безвыходной, я прошёл-таки во времянку и там очень тщательно помыл нож, а затем и протёр от отпечатков пальцев. На всякий случай!

Машинально потеряв ноющее горло, зашипел от боли и подошёл к облупившемуся, сильно облезшему зеркалу от хозяйских щедрот, висящему на тронутом ржавчиной гвоздике.

– Неплохо так... – протянул я, разглядывая ссадины, и кровоподтёки, начавшие наливать багровым. Кое-где проступила кровь и я, вспомнив грязные лапищи душителя, брезгливо поморщился.

– Протереть бы! Где же... а, вот! – Пшикнув пару раз отцовским одеколоном, протёр старым, но чистеньким полотенцем, морщась от боли, а потом долго смотрел на ткань, на которой отчётливо выделялись следы крови.

– Намазать бы чем... – я задумался, припоминая, в каком чемоданчике у нас аптечка, – хотя... к чёрту!

Решив оставить как есть, если вдруг придётся обращаться в травматологию, отшвырнул полотенце и вышел на улицу. Мама, ползая на коленях, всё ещё собирает осколочки... и подумав секунду, я присоединился к ней, потому то какая ни есть, а память...

Собрав, кажется, мельчайшие осколки, мы навели порядок и уселись, не зная, чем себя занять. Состояние... странное, и это мягко говоря. Что делать, куда идти... понятно

только, что идти надо, потому что оставаться здесь, после всего, что произошло, это... не то чтобы глупость, а что-то вообще за гранью!

С другой стороны – отец... Несмотря ни на что, у меня теплится надежда, что это какая-то ошибка, что он вернётся... Вот только куда?!

– Ой, бедный... – мама только сейчас заметила состояние моего горла, – сейчас я...

Она подскочила было, но я мягко остановил её, поймав за руку.

– Я уже обработал!

– Да кремом намазать! – всплеснула та руками, – С ним через два дня следов не останется!

– Вот именно... – надавил я голосом.

– А... ну да, – она медленно опустилась на табурет, – действительно... Сильно болит?

– Да... – машинально трогаю горло, – пока не очень.

– Не очень, – усмехнулась она, – вот вечно ты...

– Есть в кого! – парирую я, усмехаясь.

– Туше, – признала мама, и тут же, безе перехода:

– В горле что-то пересохло!

– Чаю? – отозвался я, и, не дожидаясь ответа, встал и принёс металлические эмалированные кружки. У нас есть ещё нормальные чашки, но именно сейчас, кажется, их доставать неуместно.

Мы пили чай и разговаривали о пустяках, а в это время рушились наши судьбы⁸...

Улыбаясь, она едва ли не ностальгически рассказывала, как во время войны работала на стройке, а я, пытаюсь уложить в голове совсем ещё девчонку, которая выполняла взрослую норму и считала удачей то, что у неё вообще есть работа и место в бараке, всё отчетливей представлял то страшное время...

... до озноба! Не знаю, смог бы я там...

Разговор наш перебило громогласное покашливание у калитки, потом кто-то трубно высморкался раз, другой...

– Позвольте войти? – чуточку гнусаво поинтересовался этот кто-то, и, не дожидаясь ответа, скрипнул калиткой.

Не вставая, подгибаю одну ногу чуть сбоку табурета – так, чтобы можно было сразу вскочить, и краем глаза кошусь на здоровый дыр, притащенный из сарая. Я, если что, умею... и знаю теперь, что если вдруг что, не побоюсь пустить в ход.

– Доброго здоровьичка, – неловко сказал давешний однорукий мужик, останавливаясь у крыльца хозяйского дома, и нервно, буквально на секунду, срывая с потной головы дешёвую, мятую, выдавшую виды шляпу.

– Благодарствуем, – сходу беру разговор на себя, обозначая себя взрослым мужиком. В этом времени патриархальность общества, а тем более в селе, выражена очень отчётли-

---

⁸ Чехов «Три сестры», чуточку переделанное под ситуацию.

во и порой с перекосами.

Ещё в посёлке несколько раз был свидетелем ситуаций, совершенно диких для меня, когда какие-то вопросы решались с «главой семьи», даже если они касались не непосредственно его, а супруги. Женщина, имея формальное (согласно Конституции) право голоса, в некоторых ситуациях считается, де-факто, человеком не вполне полноценным.

Если у неё нет мужа, отца или брата, то за неё, несколько не сомневаясь в своём праве, какие-то вопросы решает дальний родственник мужского пола, сосед, начальник или просто мужчина старшего возраста. Это заложено очень глубоко, и даже, казалось бы, сильные и независимые женщины, ответственные специалисты и не самые маленькие начальницы, в быту очень часто живут по программе, вшитой в них с раннего детства.

А я, начав разговор первым, показал, что разговор с позиций безусловно старшего и авторитетного у него выйдет.

– Кхм... – однурукий с сомнением посмотрел на меня, затем покосился на мать.

– Слушаю вас, – сухо повторил я, кладя ногу на ногу и чуть склоняя голову набок.

– Кхе... – снова кашлянул однурукий, непроизвольно снимая шляпу и теребя её в руках, разом вспотев.

«– Закоротило» – мрачно подумал я, не испытывая к пейзанину даже толики жалости или сочувствия.

– Люди, значит, поговорить пришли... – проскрипел он

несмазанным механизмом, часто моргая и оттягивая нечистый ворот вышитой косоворотки.

– Неужели? – самым светским тоном поинтересовался я, меняя ноги и обхватывая колено руками.

– Да! – излишне громко выкрикнул он и зачем-то закивал, – Это... поговорить, по-соседски.

Вместо ответа вздёргиваю бровь и переглядываюсь с мамой, мастерски включившейся в непростой разговор, и, не произнося ни слова, создающей правильный фон.

– Поговорить, – селянина снова закоротило, – а вы вот этак... Нехорошо, нехорошо...

Осуждающе покачивая головой, он взглядом и интонациями пытается продавить нужную ему точку зрения, но тактика, прекрасно отработанная на односельчанах, и таких же неприятельных личностях, дала на нас сбой.

– Да? – снова вздёргиваю бровь и переглядываюсь с мамой, едва заметной мимикой и пожатием плеч показывающей, что в словах посетителя она не видит никакой логики.

– Поговорить, – снова закивал переговорщик, который либо не понял сути происходящего, либо, что вернее, его просто закоротило, и, как примитивный механизм, он принялся выполнять одну из заложенных программ.

– Народ уже за участковым пошёл, – сообщил он, обильно потея, – и вам бы, значит, не доводить до греха! Оно ведь зачтётся, если покаяться.

– Неужели? – светски осведомился я, склоняя голову

на другой бок и ожидая ответа.

Однорукий парламентар, нутром чуя какой-то подвох, но не наученный вычленять такие вещи, занервничал ещё сильнее, но программа, заложенная в нём, толкала селянина по наезженной колее.

– Да, да... – болванчиком закивал он, – общество, значит, готово пойти навстречу!

– А что Татьяна Никаноровна? – поинтересовалась мама, – вступая в беседу.

– Кхе... – взгляд переговорщика вильнул в одну сторону, в другую, – Она конечно тово... женщина своеобразная! Ну так и возраст же... Судьба, опять же, непростая.

– Ну так значит как? – нервно поинтересовался он, – Миром решаем, или как?

– Да вы знаете... – я снова переглядываясь с мамой, видя на её губах поощрительную и немного злую усмешку, которую, наверное, человек посторонний и не поймёт, – всё-таки или как.

– Кхе... – кашлянул однорукий, и сипло втянул воздух. Выпучив глаза, он смотрит то на меня, то на маму, и, по-видимому, хочет что-то сказать, но, но не находя аргументов, просто открывает и закрывает рот совершенно как рыба. Ниточки слюны, тянущиеся иногда за губами и звучно лопающиеся, придают ему очень законченный, и пожалуй – органичный вид.

– Участкового дождёмся, – задумчиво сказала мама, и на

лице однорукого отразилась смесь сложных чувств, – Хотя... наверное, нет.

– Так это... – закивал переговорщик, лицо которого претерпело очередную метаморфозу, – по-хорошему, значит...

– Не участковый, – будто не замечая этого, продолжила мама, – в город поедем! Сперва – в «Скорую», с травмами...

– Это... – скрипуче вставил свою реплику пейзажник, и снова плямкнул губами.

– ... а потом – не к участковому, а к начальству его, – будто не замечая усилий селянина, говорила мама, – и поинтересуемся...

Она не договорила, и, по-видимому, переговорщик самое страшное додумал сам, а вот что... Смяв шляпу, он устоял на маму взглядом, в котором смешалась ненависть, опаска и осторожное желание отойти в сторону, потому как он в этой истории только свидетель. Только!

– А может, в газету? – предложил я, повернувшись к маме, – В «Правду»!

– Или в «Известия»? – как бы задумываюсь, хотя на самом деле, все названия советских газет в эти минуты у меня напрочь вылетели из головы, я и эти-то с трудом вспомнил.

– В несколько зайдём, – предложила мама, говоря как о чём-то как о чём-то уже решённом.

– Верно, – чуть повернувшись, благодарно киваю я, – и поинтересуемся – знают ли они, что на пятидесятом году Советской Власти, фактически в столице нашей Родины, могу

быть такие позорные явления!

– Вы это... – переговорщик вскочил, дребезжа голосом и лицом, – ответите! За клевету... и вообще! Против общества идти, это вам...

Он задыхался от страха и ненависти, дыша тяжело и прерывисто.

– Не... нерусь поганая, – выплюнул он, – космополиты безродные⁹! Жиды чёртовы! Мало вас...

Он замолк, уже понимая с запоздалым сожалением, что сказал много лишнего, да и вообще – наговорил... на статью.

– Антисемитизм, – констатирую сухо и болезненно сглазывают. Кстати...

Задрав голову, показываю горло, на котором хорошо видны следы от попытки удушения, будто от неудавшегося повешения. Выждав несколько секунд, опуская голову, и интересуюсь вкрадчиво:

– Это – поговорить? Или попытка убийства на национальной почве?

Не уверен, что эта формулировка сейчас в ходу, ну да и Бог с ней! Хм, ну или Б-г...

– Я бы сказала – погром, – с ледяным спокойствием добавила мама, и, усмехнувшись чему-то, дополнила:

– На пятидесятом году Советской Власти!

---

⁹ «Безродные космополиты» очень расхожая фраза в те времена, и применялась, за редким исключением, именно по отношению к евреям.

Однорукий задышал часто и глубоко, а я, вспомнив, добавил:

– Жидёнка душить пришли... Это как?

– Это... – начал селянин и замер, а я будто наяву увидел, как в его голове прокручиваются шестерёнки, давно проржавелые от безделья. Одно дело – бытовой конфликт, и другое...

– Это Никаноровна! – выпалил он с каким-то облегчением, – Ведьма старая!

Встав зачем-то навтыжку, он уставился на нас взглядом побитой собаки, и от этого мне стало как-то тошнотно. Подобное холопство я никогда не переваривал, да и не понимал, отказываясь признавать себя «маленьким человечком» перед кем бы то ни было, из-за чего в школе, да и позже, у меня бывали серьёзные проблемы.

– Да-а... – протянул я, в принципе не понимая, как дальше вести беседу. Другое время, другие люди...

– Я это... – нерешительно сказал переговорщик, – пойду? Людям, значит, сказать...

– Ступай, голубчик, – отпустила его мама, – ступай...

Пятясь, и не то кивая, не то кланяясь при каждом шаге, он отошёл за угол дома, и несколько секунд спустя калитка деликатно скрипнула.

– ... да чтоб я ещё раз! – не столько услышал, сколько угадал я, а затем, уже заметно громче и куда как отчаянней:

– Ты, дескать, человек привычный, в правлении колхоза! –

говоривший замолк ненадолго, и мозг подкинул мне картинку, как тот, однорукий, достав из кармана портсигар, закуривает и выдыхает едкий табачный дым.

– А того не понимают, – продолжил он монолог, – что иные разговоры – хуже, чем свёклу, мать её, целый день...

– Ась? – переспросил его кто-то, невидимый для нас.

– Хуась! – резко отозвался член правления, будто кнутом ударил, – Заводи давай! Не день, а чёрт те что! Ну, Никаноровна, ну, ведьма...

Послышался звук плохо отрегулированного движка мотоцикла, удаляющегося вдаль.

– Так и не представился, – мама печально покачала головой.

– Действительно, – поддакнул я, натужно улыбаясь, – никакого воспитания!

Переглянувшись, мы, не стовариваясь, сели пить чай, и время потекло песком сквозь пальцы. Давно уже остыл кипяток, а в розетках с вареньем поселились осы, выев его едва ли не на половину, а мы всё сидим и...

... ждём. Разговоры о чём бы то ни было кажутся неуместными, и, обронив несколько слов, мы замолчали, не стовариваясь. Мама, не опуская кружку на стол, задумалась о чём-то так глубоко, что даже осы, изредка приземляющиеся на руки, оставляют её безучастной.

Я же, напротив, полон сиюминутного ожидания, и, помня о том, что с каких-то точек это место может просматриваться, ощущаю себя, как на пресс-конференции с недоброжелательно настроенными журналистами. Она ещё не началась, но взгляды, изучающие и враждебные, ощущаются буквально физически.

Время ощущается буквально физически, и каждая секунда, очень тяжёлая и кажется, горячая, падает на мои обнажённые нервы. Наблюдая, как движутся тени от предметов, жду...

Наконец, вдали послышался треск мотоцикла и встрепенулся. Он, не он...

– Кхе... – послышалось за калиткой. Он...

– Ма-ам... – говорю шёпотом, трогая её за руку и пробуждая от спячки, – приехал тот... Талейран местный.

– Кхе!

– Входите, – пригласил я, и однорукый, почему-то бочком, вошёл во двор, держа в руках шляпу.

– Переговорил я, значит, с народом, – начал он, не присаживаясь, – и мы решили, что до участкового, оно всегда успеется... кхе!

– У нас, в колхозе... – Талейран всё-таки присел, и, надев было шляпу, снова снял её и завертел в руках, внезапно ставших неловкими, – Да, в колхозе... дома, в общем, пустуют некоторые. Они это... на балансе!

– А с Никаноровной... – он снова повертел в руках шля-

пу, и, примерившись было положить её на стол, передумал и прижал к груди, кашлянув пару раз, – С Никаноровной неладно получилось, да...

– Мы вот, – уже более уверенно продолжил он, – и решили в правлении, что вам, значит, не стоит здесь... от греха. Переселиться пока, да... а с Никаноровной мы уж как-нибудь сами, по свойски!

Переглядываемся с мамой без слов, я вскидываю бровь, она едва заметно вздёргивает плечо вверх.

– Вы бы того... если бы сразу в правление, то чтобы бы, вы положение не вошли? Сразу бы, значит...

Он врёт, и знает, что мы знаем...

У отца в паспорте стоит какая-то пометка, и здесь, в Подмосковье, местные власти, зная, куда и как смотреть, видят эту пометку, и считают её не иначе как чёрной меткой. Не знаю, как там по закону... но от греха! Самоцензура.

... потому что в правлении, с фальшивым сочувствием отказав за неимением возможностей, нам и посоветовали обратиться к кому-нибудь из жителей частным образом. А они, дескать, ну никак...

Негромко, будто себе под нос, он бурчит, что Никанорова, она конечно та ещё ведьма, но и мы, пришлые, неправильно себя повели. А если бы, дескать...

– Н-да? – холодно интересуюсь я, – Неужели?

– Кхм... – и Талейран затыкается наконец-то, и хорошо... а то я уже на грани. Ему, селянину, похер! Для него есть свои

и чужие, и Никаноровна, ведьма старая, которую, наверное, ненавидит большая часть села, всё равно – своя. Права она или нет, дело десятое, но мы – чужие, и этим всё сказано.

– А мужик ваш, – неловко сказал однорукий, – кхе! Не пройдёт мимо! Дорога от станции, она одна, и любой человек на ней – как на ладони! Когда ни пойдёт, а встретим и обскажем, куда идти надо.

– Так что это... – несколько отживев, он водрузил шляпу на голову, и, достав совершенно такой портсигар, какой мне и привиделся, закурил, – вам бы вещи собрать, да это... и перетаскать потихонечку.

– Да... – начало было мать, уже вымотавшаяся и готовая, кажется, сдать.

– Нет! – озлившись, рявкнул я, – транспорт давайте!

– Ну как ты со старшими-то... – привстал осмелевший однорукий и тут же, прижатый моим взглядом, уселся обратно, забурчав себе что-то под нос.

– И-эх... – одарив меня взглядом несправедливо обиженного человека, однорукий встал, и, ссутулившись, вышел прочь.

– Миша, мы могли бы... – негромко начала мама, явно уставшая от затянувшегося конфликта.

– Не могли бы! – парирую яростным шёпотом, – У тебя спина, а мне одному, небось, до вечера таскать! Да ещё и вон... мотоцикл!

Будто в подтверждении моих слов, за калиткой затарах-

тел движок, но вопреки моим ожиданиям, звук начал удаляться. Мама только вздохнула и принялась собирать вещи, что не заняло у нас много времени.

Минут через пятнадцать снова послышалось тархтение движка, и однорукый, захекав и выжав положенное время, появился во дворе.

– Вы это... – угрюмо и как-то обиженно сказал он, – собирайтесь давайте! А я пока это... осмотрю, всё ли тут...

Сняв шляпу, он, не спрашивая, юркнул во времянку и завертел головой, пока мы выносили из комнатухи последние вещи.

– Так это... так, – бормотал он, – ну вроде, как было. Хотя с этой ведьмой старой...

Подойдя к двери хозяйского дома, он подёргал её, и найдя запертой, закурил какие-то на редкость вонючие папиросы, способные, наверное, разогнать любых, даже самых закалённых и матёрых комаров. Подхватив один из узлов, и, поколебавшись, дрын, я вышел за калитку, где стоит заглушенный мотоцикл с коляской и какой молодой, но уже потрёпанный, лысеющий мужик, опирающийся спиной о руль и курящий с видом невероятно занятого человека.

– Не-не... – замахал он на меня дымящейся папиросой, рассыпая искры и пепел, – сейчас телега подъедет!

«Сейчас» оказалось очень растянутым во времени, и мы успели вынести все вещи за ограду, а селяне скурить один две, а другой три папиросы, стоя в оглушительном и напря-

жённом молчании, когда показалась дряхлая, пузатая кобыла, заставшая, наверное, времена коллективизации, и запряжённая в древнюю, отчаянно скрипящую телегу.

Водитель кобылы, такой же дряхлый и пузатый, одетый, несмотря на летнюю жару, в телогрейку и почему-то в резиновые сапоги, восседает с видом человека, лично знакомого с Хароном и мало интересующегося миром живых.

– Вот, – Талейран жестом показал на транспортное средство, – чем богаты...

В голосе его мне послышалась лёгкая издёвка, и, смерив его тяжёлым взглядом, я принялся загружать вещи на солому, стараясь не обращать внимания на стойкий запах навоза. Чем, как говорится, богаты...

Несколько минут спустя, когда вещи были загружены, возчик тронул кобылу вожжами, и та, уронив на дорогу пахучее яблоко, начала двигаться, мерно помахивая хвостом и никуда не торопясь. Шагая рядом и придерживаясь рукой за бортик, я поглядываю по сторонам, и в голове, заезженной пластинкой, вертится давно заученное ещё в той жизни...

«Гой ты, Русь моя родная¹⁰...»

---

¹⁰ Гой ты, Русь, моя родная, Хаты – в ризах образа... Не видать конца и края – Только синь сосет глаза. Как захожий богомолец, Я смотрю твои поля. А у низеньких околиц Звонно чахнут тополя. Пахнет яблоком и медом По церквам твой кроткий Спас. И гудит за корогодом На лугах веселый пляс. Побегу по мятой стежке На приволь зеленых лех, Мне навстречу, как сережки, Прозвенит девичий смех. Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою». Есенин.

Глава 3

Решение за семь вздохов

Отец пришёл, когда уже начало темнеть, и багровое солнце, полускрытое перистыми облаками, закатывалось за горизонт.

– Ну, вот... – только и сказал он, останавливаясь в воротах, – отпустили.

У мамы, взявшейся в летней кухне, задрожала нижняя губа, а глаза налились слезами, и она медленно, будто не веря, пошла к нему. На поросшую травой дорожку упало полотенце, но мама этого не заметила, как не заметила и того, что тапочек соскочил с её левой ноги.

– Пришёл... – прерывисто выдохнула она, трогая ладонью щеку супруга и счастливо улыбаясь, – живой...

Отец, не отвечая ничего, улыбнулся устало и очень нежно, и, поймав ладонь супруги, поцеловал её.

– Живой, – хрипловато сказал он, и снова поцеловал её ладонь.

Мама начала что-то прерывисто говорить на идише, а отец, не отвечая, обнял её крепко-крепко, и они замерли так на несколько секунд.

– Отпустили, – выдыхая, ощущая, как с плеч падает невероятный груз ответственности, который я, за неимением

взрослого мужчины в семье, взвалил на себя. Подойдя, я обнял родителей, и мы долго так стояли...

– Ну, всё... – мягко сказал отец, неловко отстраняясь, – хватит.

– Да, ты же голодный! – всплеснула руками мать, – Я мигом! Ой...

Она только сейчас заметила, что стоит в одном тапочке и поджала ногу, исколотую травой и камешками. Отец, сказав ей что-то негромко, отчего та зарделась, поднял тапочек, и, встав на одно колено, одел на ногу супруге.

Не сразу встав, он поднял голову наверх, улыбаясь, и это было так хорошо и неловко, что я отвернулся...

За воротами, метрах в двадцати, хорошо видимый на фоне заходящего солнца, пялится на нас какой-то мужик неопределённого возраста, в калошах на босу ногу, пузырящихся на коленях спортивных штанах и пиджаке не по росту. Заметив, что я смотрю на него, мужик демонстративно отхаркнулся и начал сворачивать козью ножку.

Усмехнувшись кривовато, я, обойдя родителей, прикрыл ворота, ощущая это так, будто закрыл театральный занавес. Мельком выглянув в щель, увидел, как единственный зритель удаляется прочь независимой походкой человека, вкусно выпившего после тяжёлой работы.

– Представляю завтрашние рецензии, – бормочу себе под нос, в самом деле представляя их, и почему-то сперва в виде постов в «Телеграмме», а потом уже – коротких,

но полноценных статей с броскими заголовками на мониторе компьютера. Фыркнув, радуясь собственному красочному воображению, полагая его, в числе прочих, одним из симптомов улучшившейся работы мозга.

К селянину же я испытываю не презрение, а жалость, как к человеку, с рождения ограждённого множеством запретов и заборов. Железный Занавес, это ведь совсем не фигура речи! К сожалению...

Не только невозможность выезда из страны, но и глушение радиостанций, запрет целых разделов музыки, живописи и даже науки¹¹ на государственном уровне, сковывает, ограничивает гражданина СССР, даже если он сам не вполне осознаёт эти ограничения. А для жителей деревень и прочих «лишенцев», с отсутствием паспортов¹², куда как более тотальным контролем всего и вся, эти ограничения, в том числе и культурные, можно возводить в куб!

... но правда и то, что жалость моя с оттенком брезгливости, и пожалуй, опаски.

Когда смотришь на всё это не с позиции независимого социолога или этнографа, а изнутри, можно сколько угодно видеть причинно-следственные связи и понимать, что человек становится скотиной не от хорошей жизни, но скотиной-то

---

¹¹ Навскидку – генетика, кибернетика и социология.

¹² Совмин утвердил новое «Положение о паспортах в СССР» 28 августа 1974 г. К слову, несмотря на получение паспортов и относительную свободу передвижения, первые годы колхозники не могли устроиться в городе без справки от колхозного начальства.

он от этого быть не перестаёт!

И сейчас эта скотина, полагая себя вправе, а своё мнение единственно верным, и даже не предполагая, что могут существовать другие взгляды на жизнь, и что эти взгляды, чёрт подери, имеют право на существование, влезла в нашу жизнь!

Вот так вот – в калошах на босу ногу, с сигаркой, налипшей на нижнюю губу, перегаром и щетиной, хватая за ворот рубахи и брызжа в лицо слюной и оскорблениями. Да и... не факт, что всё закончилось!

Отец ест медленно, устало, через силу, и, наверное, не вполне чувствуя вкус. Время от времени, переставая жевать, он о чём-то задумывается, и, держа перед собой ложку, с которой обратно в тарелку стекает суп, сидит молча.

Наконец, доев без особой охоты, он взял кружку с чаем и вышел на крыльцо, накинув на широкие плечи лёгкую куртку. Я, уже давно поев, налил себе чаю, вроде как за компанию, и тоже вышел на улицу, прислонившись к плохо ошкуренному бревну, поддерживающему заметно обветшавший навес над крыльцом.

Родители сидят молча, плечом к плечу, и тишину нарушает лишь стрёкот насекомых, да изредка – негромкое сёрбанье, когда отец отхлёбывает кипенно-горячий чай. Здесь, у крыльца, нет ни единой лампочки, а потому комары и разная мошкара не слишком досаждают, сбившись поодаль,

у освещённого окошка горницы.

Ночная прохлада слегка холодит спину, но не настолько, чтобы возвращаться в дом за рубахой, да и горячий чай неплохо согревает изнутри.

– Обычная беседа, – безэмоционально сказал отец и сделал глоток, – даже извинились – дескать, эксцесс исполнителя, перестарались.

– КГБ? – спросила мама и покачала головой, не слишком веря в возможность ошибки, но не развивая тему.

– Это надолго, – обронил отец, – они как акулы, стоит им почуять кровь, они будут кружить рядом, и если надо – годами.

Киваю задумчиво, хотя родители и не могут видеть этого, и, слегка уйдя в себя, пытаюсь мысленно упорядочить свои знания о спецслужбах. Никогда почти не интересовался специально, но иногда, где-нибудь на ЮТубе, мелькало что-нибудь этакое, или кто-нибудь из знакомых кидал ссылку на интересный материал.

К сожалению, информация эта, не будучи необходимой здесь и сейчас, и будучи невостребованной, архивировалась где-то в дальних уголках мозга. Я, разумеется, имею некоторое понимание, и могу, как мне кажется, составить достаточно достоверное представление о спецслужбах, но вот детали, за ненадобностью, не запоминал никогда. Зачем, если есть интернет и всегда можно уточнить? Кто бы знал...

Вздыхнув, кошусь на негромко разговаривающих родителей, и не без труда давлю поднимающуюся досаду на всю эту ситуацию с попаданством, и на самого себя. Не сразу, но мне удаётся успокоиться, и я продолжаю копать в воспоминаниях, пытаюсь среди кучи эмоционально окрашенной информации и страшилок, найти что-то, что может быть полезным здесь и сейчас. Хоть как-то!

Современных мне спецслужб, давно прогнивших, со ставшим притчей во языцех отрицательным отбором и nepотизмом, я опасался, как, наверное, любой вменяемый человек, но нисколько не уважал. Даже если оставить в стороне человеческие качества, рассматривая только и исключительно профессионализм, то ничего, кроме скепсиса, и пожалуй, безгливости, такие спецслужбы не вызывают. Они опасны только как часть системы, как часть государственного Молоха, своей надсудностью и надзаконностью.

Но впрочем, недооценивать возможности Государственного Аппарата, пусть даже проржавевшего и рассыпающегося на ходу, нельзя. Да и люди... какие ни есть, а чему-то обученные, что-то умеющие, набравшиеся какого ни есть, а опыта.

Здесь же... сложно судить, но отношение к КГБ, как к чему-то невообразимо могущественному, довлеющему над всей территорией Восточного Блока, если и оправдано, то лишь отчасти. Так-то оно так... но КПД, если ве-

ритель позднейшим мемуарам, у этой махины низкое, и если уж приводить аналогии с механизмами, то это, пожалуй, паровой трактор конца девятнадцатого века.

Нечто очень массивное, тяжёлое, изрыгающее в воздух клубы чёрного дыма, воняющее и лязгающее всеми сочленениями. Впечатление, особенно на человека неподготовленного, эта махина производит, да и работу свою в общем-то выполняет, и становиться на пути этого механизма не стоит... Да я, собственно, и не хочу.

Навеваянные моим виденьем парового монстра, в голову полезли разного рода исторические экскурсы, всё больше почему-то про Революцию и первые годы Советской Власти, а чуть погодя – становление ВЧК-ОГПУ, чистки рядов и тому подобное.

Когда, ещё в двадцатые годы, в СССР начали сколачивать собственные спецслужбы, делали это, по понятным причинам, на скорую руку, из того, что было под рукой. Профессиональные революционеры и уголовники, перешедшие на сторону Советской Власти, составили костяк, фундамент спецслужб¹³. Ещё, кажется, было какое-то количество «со-

---

¹³ Внешняя разведка могла похвастаться наличием в ней кадровых, профессиональных разведчиков, доставшихся ей «по наследству» от Царской России, горящих Идеей интеллигентов и людей, более-менее подходящих. В массе же, увы... Я, в своё время, относился к органам тех лет скорее лоялистски, но когда (сугубо для работы над книгами) начал изучать материалы, и прежде всего статистику, пришёл в ужас. Органы очень быстро набухли приспособленцами, карьеристами

знательных» рабочих, чтобы это ни значило, ну и так – всякой твари по паре.

Хм... или вернее будет сказать, что из деталей разобранных механизмов собрали кое-как работающую машинерию? Давно устаревшую, попёрдывающую угольным паром, и с чудовищно низким КПД, но механики-самоучки, махнув на всё рукой, удовлетворились тем, что их изделие каким-то чудом не разваливается на части, а усовершенствование, как водится, было оставлен на потом.

Получившая Химера кое-как работала, но наилучшую производительность она показывала не в обеспечении безопасности страны, а в репрессиях против собственных граждан, и – собственных создателей! Чавкая и давясь, захлёбываясь кровью и страхом, она перемалывала жизни и судьбы, двигаясь вперёд под звуки выстрелов и брагурных маршей.

Потом, разумеется, были чистки, репрессии и война, и наверное, обновлённое МГБ, а позже и КГБ, стало иным, но вот кардинально ли? В своей основе, это всё та же Химера, нежизнеспособная в нормальных условиях...

– Да и люди там всё те же, – произношу я вслух, пытаюсь поймать ускользающую мысль, но, покосившись на родителей, замолкаю.

Руководство КГБ, по большому счёту, выходцы из тех времён – не самые лучшие, не самые образованные, не самые умные...

и психопатами, превратившись в какую-то чудовищную раковую опухоль.

... а просто – выжившие! Это люди, пережившие Большую Чистку, колебавшиеся вместе с Линией Партии, и поднаторевшие более всего не в оперативной работе, а в очень специфических аппаратных играх.

Бюрократы, верные прежде всего не идее Социализма, а системе НКВД, в которой они выросли. Люди, для которых важнее кастовость и идеология, и только потом – профессионализм.

Позже, даже я это знаю, они были разбавлены «комсомольцами» Шелепина¹⁴, но сейчас, если верить газетам, читая между строк, начался закат его карьеры. Зная, куда и как смотреть, понять не сложно...

– Н-да... получается, что на место сталинских волкодавов

---

¹⁴ Шелепин выходец из ВЛКСМ, и считается, что он «сделал карьеру» на Зое Космодемьянской, занимался идеологической работой. В 1958 г. Шелепин возглавил КГБ, нуждающееся (по мнению ЦК) в усилении идеологического контроля. Он реорганизовал КГБ, сделав из целевых оперативных подразделений единый структурный механизм. При нём же КГБ стало ориентироваться скорее на внешние дела, а не на внутренние, а злоупотребления чекистов начали пресекаться. С собой Шелепин привёл в КГБ выходцев из комсомола, которые, не будучи связаны кастовостью, присущей кадровым чекистам, проводили реформы без оглядки на «Старую Гвардию». Эти «комсомольцы», с одной стороны, структурировали КГБ в нечто единообразное и поддающееся контролю. С другой стороны – многие старые сотрудники были уволены из рядов, а КГБ в целом (по мнению некоторых историков), стало заметно менее гибким и оперативным, став обычной бюрократической структурой, а не «Государством в государстве», как раньше. В 1967 г. начался закат карьеры Шелепина, равно как и его «комсомольцев», которых вычищали отовсюду едва ли не «с мясом». КГБ в том году, можно сказать, лихорадило, и, по воспоминаниям сотрудников, некоторые отделы были едва ли не парализованы.

пришли бюрократы, – констатирую я, машинально расчёсывая место укуса под локтем.

– Хотя какого чёрта? – озадачиваюсь, отгоняя комаров, – С какого это дьявола они – волкодавы!? А... «В августе сорок четвёртого»¹⁵ в голове вылезло, точно! Но сколько, на самом деле, реальных оперативников в Органах? Один процент? Два? А остальные – не волкодавы, не оперативники, а палачи!

– В лучшем, хм... – покосившись на родителей, я замолк, хотя говорил едва ли не шёпотом.

«– В лучшем случае они – бюрократы, поставившие репрессии на поток, по принципу «Лес рубят, щепки летят», и даже если они лично никого не пытали, то назвать их профессионалами можно только с натяжкой»

В голову пришла странная мысль, что, наверное, работники прокуратуры или милиции, как следователи и оперативники, дадут сто очков форы сотрудникам КГБ! Они, в массе своей, руководствуются Законом и Процессуальным Кодексом... в отличие от...

Поворачивая эту мысль так и этак, я не нахожу в ней каких-то противоречий. Действительно, КГБ, как бы оно ни называлось, всегда стояло и стоит НАД Законом.

Наверное, какие-то внутренние нормативные акты огра-

---

¹⁵ «В августе сорок четвёртого» – прекрасная книга Владимира Богомолова о работе «СМЕРШа», где служил сам автор. Хотя вернее будет сказать – не «СМЕРШа» в целом, а «волкодавов», то есть оперативников.

ничивают их работу, но в целом, действия сотрудииков так или иначе нарушают Закон. В этом сила спецслужб, и в этом же – их слабость.

Чувствуя, что мне нужно проговорить это вслух, я встал...
... ну и заодно, чтоб два раза не ходить, вон он, туалет. Главное – не провалиться...

– На смену старой... хм, гвардии, – рассуждаю я, расстёгивая штаны и прицеливаясь, – пришли сперва бюрократы из ВЛКСМ, а теперь, получается, вместе с Шелепиным их выдавливают из органов, меня... А собственно, на кого?!

– Впрочем, не важно... – застёгиваю ширинку, и, прикрыв за собой дверцу, иду к умывальнику, – Выходит так, что у них там сейчас период Междоцарствия, а значит, можно надеяться на некоторую пробуксовку...

... и все свои соображения, сжав в несколько предложений, я озвучиваю родителям.

– ... а ещё, слышал в Посёлке такую байку от дяди Миши, – продолжаю, напрягая память и актёрские способности, – что раньше, ещё до войны, если человек, заметив какие-то нехорошие признаки со стороны органов, просто переезжал, его как бы теряли из виду.

– Понятно, – тут же поправляюсь я, – если дела мало-мальски серьёзные, то фигурантов искали хоть на краю света, а вот ради мелких пескарииков напрягать весь аппарат не имело, да наверное, и не имеет смысла.

Отец, выслушав меня, замер и некоторое время сидел

молча, и кажется даже, не дыша. Затем он медленно кивнул, быстро, и как-то по-новому, глянул на меня.

– Не знаю, как сейчас... – пожимаю плечами, действительно, имея очень мало понимания, но зато знакомый с таким понятием, как «мозговой штурм» и привыкший на квизах накидывать в команду любую информацию, какая может оказаться хоть сколько-нибудь близкой к теме.

– Я тоже, – чуть усмехнувшись, негромко отозвался отец, и совсем тихо добавил:

– Вырос...

Несмотря время к полуночи, сна у нас ни в одном глазу, и спать никто не идёт. Какой уж тут, к чёрту, сон...

Озябнув, я вернулся в дом за рубашкой, оставив родителей тихо разговаривать на крыльце.

Давно заброшенный, с несчастными и неаккуратными постояльцами, дом пахнет сырость, мышами, трухой и всем тем нежилым, что невозможно описать словами, но что явно и очевидно понимается, стоит только зайти внутрь и вдохнуть неизменно затхлый воздух. Открыты окна или закрыты – неважно, в брошенном доме воздух будто пропитан плесенью и трухой, легким запахом гниения.

Тронув зачем-то пальцем отсыревшую, осыпающуюся побелку со стен, я снял рубашку со спинки кровати и накинул её на плечи. Глянув на старую икону, оставленную в красном углу, на керосиновую лампу девятнадцатого века, на уголь-

ный утюг, усмехнулся невольно и пробежал глазами по старым вещам, оставленными хозяевами без всякой жалости.

Полвека спустя все эти иконы и утюги, оставленные в сарае прялки и колыбель, доставшиеся от прадедов кованые топоры и прочий скарб назовут антиквариатом...

– А сколько это будет стоить, даже подумать страшно, – пробормотал я, выкидывая из головы виденья того, как я катаюсь по деревням и собираю брошенное имущество, а потом – жду...

– Брр... – я помотал головой, – ужас! Вот что жадность-то с людьми делает... Ведь готов был, пусть даже несколько секунд, ждать возможности разбогатеть под старость лет!

– ... вот оно что, – услышал я ещё из комнат, негромкий голос отца, – распустил я вас? Да-а... однако! Я и внимания не обратил – думал, оделась ты как-то не так, или Мишка с соседкой недостаточно вежливо поздоровался, а оно вот так? Дела...

Я вышел наконец во двор, и, подтащив поближе низенькую лавочку, уселся напротив родителей.

– А ты, значит, один против толпы? – отец внимательно смотрит на меня, – Не испугался?

– Сперва да, – мне почему-то неловко, – в самом начале. А потом, когда тот, с багровой мордой, маму в лицо пятернёй, я озверел, да так...

Пожимаю плечами, не желая продолжать, и отец не стал настаивать. Так только... закаменел на какое-то время,

да полыхнуло беспомощностью, какая бывает и у сильных мужчин.

Он закурил, молча глядя в сторону, а мама гладила руку супруга и что-то шептала то на идише, то на русском. Сильно не сразу, две папиросы спустя, она отшептала его, и отец, усмехнувшись горько и поведя плечами, отживел, перестав походить на собственный бетонный памятник.

– Да уж... – ещё раз усмехнулся он, туша папиросу о дно старой, ещё лендлизовской консервной банки, найденной нами на кухне, – дела!

Неспешно, очень въедливо, отец начал ворошить события, останавливаясь иногда на деталях, которые мне казались откровенно второстепенными. Время от времени он поднимал руку, останавливая меня и обдумывая услышанное, а иногда отматывал разговор на несколько минут назад, снова и снова проговаривая одно и то же.

Довольно-таки раздражающая манера... и хотя я понимаю, что отец, с его опытом войны, лагерей, ссылок и общения с представителями соответствующих органов, понимает эту ситуацию много глубже, чем я могу представить, но менее раздражающей она от этого не становилась!

– Потерпи, ладно? – будто услышав, попросил меня отец, – Я потом, если захочешь, объясню всё.

Угукнув, киваю, и, обхватив колени руками, снова и снова рассказываю одно и то же, или же, напрягая память, пытаюсь вспомнить какую-нибудь деталь, малозначительную для ме-

ня в тот момент. Получается... да так себе, через раз в лучшем случае, но отец не сдаётся, собирая из этих кусочков информации какое-то подобие паззла.

– Та-ак... – подытоживает отец, вставая и потягиваясь с хрустом, – а поставлю я чайник!

Ничего не говоря, он прошёл в летнюю кухню, и несколько минут спустя мы в полном молчании пили чай, и тишина нарушалась лишь треском цикад и ором каких-то ночных птах. Да чуть погодя, где-то на другом конце деревни, послышался звук работающей техники, но и он вскоре замолк.

Допив чай, отец вытряхнув заварку к забору и некоторое время сидел, ссутулившись и напряжённо о чём-то размышляя. Наконец, с явной неохотой встав, он сообщил нам:

– На станцию пойду, о транспорте договорюсь. Да, и телеграмму...

Пояснять он ничего не стал, да в общем-то, и не нужно... Менее чем через минуту фигура отца затерялась в ночи, и я, медленно закрыв калитку, вернулся в дом. Ждать...

* * *

– Не гавкай, псина... – шёпотом говорю я и присаживаюсь на корточки, – Не гавкай, псина бестолковая... кому говорю! Ну, ну... всё, признала?

– Да-да-да... – не вставая, чешу лохматую холку, попутно вытаскивая репы, а потом, когда разнеженная, непривычная

к ласке, собаченция плюхнулась на спину, наглаживаю живот, – хороший собакен, хороший...

– Ну всё, всё... – встав, последний раз треплю псину по холке и озираюсь по сторонам. Деревенская улица освещена только тускло мерцающими звёздами и тонким полумесяцем, наполовину скрытым облаками. Фонари в деревне есть, но все они в центре, ближе к сельсовету, или как он там называется... А здесь – только месяц, звёзды, да где-то, в десятке домов позади, кто-то из сельчан забыл выключить лампочку перед крыльцом.

Никаких гуляний молодёжи под гармошку и без, как это показывается в фильмах, нет, если не считать за таковое ночной собачий перебрёх.

– Да-да... всё, иди... – наклонившись, рукой пихаю собаченцию по направлению к родным воротам, и иду дальше уже без опаски. Это места знакомые, нахоженные, с наглаженными собаками, которые успели меня обгавкать, а потом и обнюхать, днём раньше.

Сейчас если и гавкает кто-то, то это ленивый, служебный гавк – дескать, дом на охране, бдю! Если полезу через забор, тогда да, гавканье станет возмущённым, с нотками скандала, а так... Пустобрёхов в деревне не любят, и если не сами хозяева прибьют, так помогут соседи.

– Ага... чуть не прошёл, – сориентировавшись, останавливаюсь и чутко всматриваюсь в темноту. Сердце бухает... и некоторое время я медлю, стоит ли? Но потом, закусив гу-

бу, всё-таки решаюсь, и, оглянувшись ещё раз, лезу через забор – с той стороны, где стоит заброшенный дом.

Я уже во дворе... Присев на корточки, опять жду неизвестно чего, но «Дамы в вечернем туалете» не наблюдается, да и соседские собаки, по-видимому, избегают двор старой ведьмы, прекрасно чувствуя людей.

Сперва, вроде как для тренировки, выцарапываю каббалистические знаки на стене сарая, не слишком стараясь, и тут же затирая свежие царапины пальцем, предварительно поплевав на него.

– В глаза так сразу не бросится, – бормочу себе под нос, гвоздём выцарапывая какое-то подобие масонского циркуля, – а потом, со временем...

Царапаю знаки, весьма живо представляя себе реакцию старой ведьмы.

– Колдовал жидёнок? Ну-ну... Я, правда, не знаю ни хрена, что всё это значит, но ты, старая сука, сама придумаешь... и сама себя накрутишь! В КГБ нас на опыты? Ну-ну... а сама в дурку не хочешь?

Опаска прошла, да и время сильно уже за полночь, так что, пусть и с большой оглядкой, от сараев я дошёл до дома и времянки. Нацарапывая (весьма криво) на сыплющейся побелке какое-то подобие пирамиды с кружочком наверху, призванным изображать чьё-то там око, поглядываю на дверь.

Нацарапанные знаки тем временем наливаются Силой,

которую я не вижу, но чувствую, как чувствую и то, что ночь эта особенная, колдовская...

– Ихес-тухес¹⁶... – скрутив по-особому пальцу, тычу в сторону двери нашей бывшей домохозяйки, и так, для верности, девять раз. Усмехнувшись злорадно, покидаю наконец негостеприимный двор, и, прыгнув с забора, лечу над дорогой, в трёх или четырёх метрах над землёй, как и положено в такую ночь потомственному ведьмаку из уважаемого раввинского рода!

Непередаваемое ощущение полёта... куда там аэродинамической трубе или прыжку с парашютом! Я лечу и лечу, а ночь, ещё совсем недавно тусклая, расцветает сумрачными красками, подсвечивая деревню и дома, а особенно – колдовские места...

... и, уже с сожалением осознав, что это всего лишь сон, я всеми силами стараюсь его продлить, продлить это ощущение полёта и запомнить, как в моём сне выглядит ночная деревня, подсвеченная колдовскими огнями!

– Жаль, – шепчу я, проснувшись, и снова, в который уже раз, досаую от того, что не умею рисовать...

Сон потихонечку уходит прочь, и, проводив его сожалением вздохом, встаю с табуретки, на которой я заснул, и тянусь всем телом. Всё болит... со вчерашнего ещё, я тогда, кажется, вообще всё себе потянул!

За окном уже начало светлеть, и, выключив в горнице

---

¹⁶ Ихес – родословная, генеалогия, тухес – задница. Идиш.

свет, я приоткрыл дверь во двор, где на крыльце, зябко кутаясь в отцову куртку, дремлет мама. Поколебавшись, не стал её тревожить, и обойдя осторожно, прошёл сперва в туалет, а потом долго плескался в рукомойнике, пытаясь окончательно проснуться.

Там же, во дворе, размялся, чувствуя себя, как после неудачного спарринга, и кряхтя то и дело, как старый дед с запущенным радикулитом. После, с некоторым сомнением, перебарывая лень и невыветрившуюся усталость, проделал пальчиковую гимнастику, и через несколько минут, можно сказать, почти проснулся.

На летней кухне, стараясь не шуметь, пошарил по кастрюлям и чугункам, и найдя отварную картошку в мундире, быстро почистил её, порезал – с запасом, крупными кусками, кинул на сковородку, не жалея подсолнечного масла.

– Духовитое, – морща нос, разжигаю печку и передразниваю бабу, продавшую нам бутылку, – То-то и оно, что духовитое. Хочешь, не хочешь... а другого нет! А, ладно...

Повздыхав о масле без запаха, свежих помидорах посреди зимы и прочих достижениях прогресса, порезал лук, и уже привычно заправил маслом и луком старую квашеную капусту, которая ещё чуть, и станет уже не просто старой, а испорченной. А так... ничего, за неимением чего-то другого.

Когда картошка уже была почти готова, порезал туда остатки чуть заветрившейся колбасы, а на другой сковороде на скорую руку обжарил зачерствевший хлеб, присыпав его

с уже готовой стороны, перцем и солью.

– А, чайник ещё... – спохватился я, и, сняв сковороду с картошкой, водрузил на её место чайник, более чем наполовину полный.

– Мам... – подойдя, трогаю её за плечо.

– А?! Миша? – всполошилась она, – А, утро уже... Ты голодный, наверное? Сейчас...

– Я уже картошку обжарил, – перебиваю её, – Давай, умойся, посети кабинет задумчивости, и за стол!

– Мог бы и разбудить, – вздохнула она, – что я, не женщина...

Закатываю на это глаза, ничего не отвечая. Вот же... глупость, но даже у мамы это в подкорке сидит, хотя казалось бы...

Едва я поставил сковородку на стол, а мама, вытирая руки, уселась, на улице проехал грузовик, остановившись возле нашего дома.

– Встали уже? – поинтересовался отец, заходя во двор, – Ну, хорошо...

Отставляю в сторону заветный дрын, смущённо пожимая плечами при виде чуть развеселившегося отца. Ну да, ну да...

– О, картоха? – заинтересовался водитель грузовика, безо всякого стеснения прошедший в калитку вслед за отцом.

– Да, только с печи, – дружелюбно киваю я, – Поешьте вместе с нами?

– С превеликим удовольствием! – отзывается тот, как ждал, а мама почти незаметно кивает мне – дескать, всё правильно сделал, сынок!

Наворачивая картошку и хрустя попеременно то зажаренным хлебом, то капустой, водитель, молодой круглолицый парень с носом-картофелиной, простоватый и очень смешливый, травит шофёрские байки.

– А вы откуда? – спохватывается он, – Ага, ага...

Наконец, картошка подъедена, чай выпит, а утро, всё ещё немного зябкое, окончательно вступило в свои права. С помощью Дениса мы быстро закинули вещи в кузов, и отец, убедившись, что мы устроились достаточно удобно, заскочил в кабину к водителю.

Дёрнувшись пару раз, грузовик завёлся, и мы покатали по просыпающейся деревне под ленивый брёх собак. Я сижу на перевёрнутом ведре, придерживаясь рукой за кузов, и, зевая отчаянно, гляжу по сторонам со смешанными чувствами.

На повороте мы притормозили, и водитель пару раз прогудел, прося уйти с дороги стоящий на ней трактор. Тракторист, немолодой мужчина с напряжённым и злым лицом, лишь матерно отмахнулся рукой и продолжил слушать выговор начальника.

– Да сдвинься ты на обочину! – не выдержал наш водитель, чуть ли не по пояс высунувшись из окна, – Дай проехать, чёрт полосатый!

«Чёрт полосатый» лишь дёрнул щекой, зато начальник,

делавший ему выговор, обернулся, оказавшись тем самым одноруким. Раздражение на его лице сменилось усмешкой, и, приподняв шляпу, он издевательски раскланялся с нами.

Через несколько секунд трактор сдвинулся на обочину, пропуская грузовик, и мы поехали прочь, покидая русскую деревню.

– Ну, бывайте... – ещё раз кивнув нам, шоферюга заскочил в кабину, и, высунув из неё голову, начал выруливать со двора, азартно переругиваясь со сторожем. Выехав, он притормозил, не глуша фырчащий двигатель, и приоткрыв дверцу, высунулся наружу чуть не на половину, развёл руки на ширину плеч и проорал, перекрикивая шум двигателя:

– Вот такие! Не караси, а свиньи, даже сало капает! Будешь у нас, Аркадьич...

Сзади требовательно прогудели, и водитель, оглянувшись, чертыхнулся и залез-таки в кабину. Ещё один взмах мозолистой пятерни, и он уехал, а мы – остались.

– Пока как-то так... – протянул отец, оглядываясь по сторонам и вздыхая. Мама, чувствуя его настроение, шагнула к нему, по пути сгребая меня в охапку... Я охотно уткнулся носом в её плечо, не испытывая особого желания обозревать внутренний двор «Дома Колхозника».

– Вы, что ли, Савеловы будете? – сворачивая на ходу сигарку подошёл к нам немолодой сторож, шурясь подозри-

тельно и как-то очень по ВОХРовски¹⁷.

– Савеловы и есть, – согласился отец, отпуская наши плечи и выступая чуть вперёд.

– Иван Степаныч, – отрекомендовался сторож, протягивая отцу мозолистую, нечистую пятерню с неровными обломанными ногтями, под которыми виднеется ничем не выводимая грязь.

– Иван Аркадьич, – отзеркалил отец, крепко пожимая руку, – а это супруга моя, Людмила Львовна, и сын, Михаил.

Бормочу негромко, что очень приятно, но это, похоже, не интересуется нашего провожатого. Я для него – сопля зелёная, права голоса не имеющая.

– Валька! – обернувшись и всматриваясь в кучкующихся во дворе мужиков, зычно гаркнул мужик, – Валентин, ёб твою мать! Сюда, блять, живо!

Валентин, мужик явно за сорок, трусцой подбежал, на ходу снимая кепку с грязной головы, и, прижав её к груди, зачем-то слегка ссутулился и заулыбался виновато. Чуть выше среднего роста, с несколько вытянутым лицом и уныло обвисшим носом, он походит на постаревшего провинциального Пьеро, жизнь которого пошла вовсе уж наперекосяк.

– Звал, Иван Степаныч? – заискивающим тоном спросил Валентин, и, не отворачивая глаз от сторожа, ухитрился ско-

---

¹⁷ ВОХР – Военизированная охрана, прообраз Внутренних войск и Росгвардии. Занимались охраной государственных и промышленных объектов, путей сообщения, охраной тыла действующей армии и (а до ВОВ в основном) мест лишения свободы.

сидеть на нас глаза и, приветствуя, кивнуть головой, далеко вытянув тощую шею, поросшую длинным серым волосом.

– Давай... – начал было сторож, показывая на наш багаж, но, хмыкнув, почесал подбородок, и уже другим тоном продолжил:

– В общем – задачу видишь?

– Да, Иван Степаныч! – вытянулся Валентин, – Сейчас мужиков организую! Так куда, говоришь, нести?

– Да вон в тот сарайчик, – махнул рукой сторож, доставая связку ключей.

– Сам видишь, с кем приходится... – непонятно вздохнул сторож, заводя разговор с отцом, и покрикивая время от времени на мужиков, семенящих впереди с нашей поклажей.

– Вот, здесь под присмотром, – сообщил нам сторож, запирая дверь на замок и отряхивая руки, – съезжать будете, ну или так что понадобится – ты, Иван Аркадьич, знаешь, где меня искать.

– Благодарствую, – отец чуть склонил голову, подстраиваясь под собеседника.

– А это, у вашего... – сторож показал глазами на меня, – на шее что? Боюсь и думать, Иван Аркадьич... но сам понимаешь, служба!

– Да то самое, – отозвался отец, – правильно понимаешь, Иван Степаныч, сейчас вот в больницу и пойдём.

Он в несколько предложений описал наше приключение и сторож, крякнув, свернул ещё одну сигарку и покосился

на мужиков, возящихся в стороне с разгрузкой какого-то барахла с высокого борта колхозного грузовика, заехавшего во двор.

– Мужик – он такой... та ещё сволочь! – задумчиво покивал сторож, – Но всё ж таки, Аркадьич, не обессудь...

– Да всё понимаю, – в тон ему отозвался отец, – служба!

– Да! – спохватился сторож, – Сейчас койки ваши покажу!

Идя по двору с уверенностью ледокола, он то и дело обращивается к отцу, рассказывая тому, какая же эта сволочь, русский мужик. Наличие вокруг этих самых мужиков сторожа ничуть не смущает, как и тот факт, что и сам он (что ненароком всплыло в разговоре) происхождения самого что ни на есть крестьянского.

«– Это пиздец...» – вертится у меня в голове, а голова вертится по сторонам, и я сам не знаю, к чему эти слова относятся больше – к словам сторожа, или к тому, что окружает нас.

«Дом Колхозника» окружён высокими, грязно-серыми бетонными стенами, на которых остро не хватает витков колючей проволоки, чтобы сделать картину завершённой. Сам дом, большое и какое-то несуразное, приземистое здание, покрытое многими слоями несвежей штукатурки, обвалившейся кое-где геологическими пластами, смотрит на нас маленькими подслеповатыми окошками, забранными решётками, выкрашенными краской-серебрянкой. Он каким-то удивительным образом гармонирует

со сторожем-ВОХРовцем, и кажется, да и наверное, является, осколком эпохи коллективизации, ГУЛАГа и первых пятилеток.

Во дворе, где местами есть потрескавшийся асфальт, везде стоят прицепы, редкие грузовики и трактора, и, совсем для меня неожиданно – телеги. В сторонке, в самом углу, виднеются лошади, слышится фыркание и доносится не слишком густой, но явственный навозный дух.

Впрочем, дух здесь такой, что нотки навоза добавляют к этой атмосфере не слишком многое. Всё здесь, кажется, пропиталось запахами лошадиного и человеческого пота, прелых овощей, застарелой мочи и прочих, столь же неаппетитных запахов.

Нельзя сказать, что двор загажен, но пахнут, и не всегда приятно, овощи, пахнут лошади, пахнут мужики... Да и все эти колхозные прицепы и телеги, на которых годами и десятилетиями перевозят чёрт те что, пропитались духом русской деревни¹⁸. Чёрт... да сам асфальт, с въевшимися пятнами, кажется, пахнет...

– Вот здесь и заночуете, – распахнув дверь, сообщил нам сторож, пропуская нас с отцом в большую комнату с дюжи-

---

¹⁸ Напоминаю, что Автор и ГГ не тождественны! А ещё напоминаю (приходится!), что ГГ (о чём я писал в аннотации!!) пристрастен, и что он не мыслит в стиле «А в американской глубинке ещё хуже!», а сравнивает то, что его окружает, с привычным ЕМУ образом жизни. Ещё напоминаю (приходится, чёрт подери!), что некоторые «острые» для читателя мысли или слова ГГ нужно соотносить с контекстом.

ной кровати, девять из которых заняты.

– Доброе утро, Иван Степаныч! – держа руку с папироской наотлёт, подскочил один из мужиков, лежащий на кровати прямо в одежде. Сторож, мазнув по нему ничего не выражающим взглядом, показал нам наши кровати и зачем-то похлопал по металлической спинке одной из них, отчего та, пошатнувшись, издала скрипучий звук.

«– А я ещё на бараки жаловался! Чёрт, чёрт, чёрт...» мы уже вышли из комнаты, а я всё ещё не могу забыть этот запах невымытых тел, въевшегося в бельё и стены запах табачного дыма, и само бельё – то ли застиранное до крайности, а то ли попросту грязное! В бараке, чёрт подери, у нас была отдельная комната...

В голову полезли мысли о крепостном праве, а на выходе, зацепившись глазами за старый, давно выцветший плакат о долге перед Родиной, я споткнулся и чуть не упал. Отец, подхватив меня под руку, проследил направление моего взгляда и еле заметно дёрнул щекой, ничего не сказав.

«– А ещё армия впереди... – полезли в голову мрачные мысли, – какой-нибудь, мать его, стройбат! И буду я отдавать долги за репрессированных отца и мать, за комнату в бараке и за то, что здесь называют Светлым Будущим и социалистическим образом жизни! В рот я вас...»

Погрузившись в мысли, я почти безучастно брёл за родителями, пропустив тот момент, когда маме показали её комнату и койку. Опомнился уже на улице, когда отец, сжав меня

за плечо, на секунду притянул к себе. Он ни сказал ни слова, но как-то отпустило...

– ... во-он туда пройдёте, – объяснял тем временем сторож, показывая рукой, – до перекрёстка, а там налево и чуть во дворах. Спросите! Да, Иван Аркадьич, не обессудь...

– Крестьянину без паспорта больше некуда, – не глядя на меня, сказал отец, прикуривая на ходу, – а мы, со справками...

Он не договорил, прибавив шаг, но чуть погодя всё-таки добавил нехотя:

– Сам понимаешь, город режимный.

– Вся страна режимная, – бурчу себе под нос, но впрочем, тему не продолжаю. Мы уже вышли из тупичка, в котором находится «Дом Колхозника», и начался уже настоящий город, резко контрастирующий с тем ГУЛАГовским осколком.

Широкие проспекты, большие дома – в пять, семь и более этажей, и тут же рядом, частные домишки и бараки, козы и коровы. Москва строится, расширяется и... да, наверное, можно сказать – хорошеет.

... но как же, чёрт подери, она провинциальна!

Пока мы жили в посёлке или в маленьком райцентре на Севере, вся эта провинциальность и серость были едва ли не чем-то само собой разумеющимся. Родной мой город, с поправкой на моду, рекламные щиты и большее количество автомобилей, выглядел очень похоже, так и оставшись по большей части в прошлом. Поэтому, несмотря на всё

неприятие окружающей действительности, вся эта убогость была привычной и едва ли не родной.

Но Москва?! Козы и коровы... и вообще, ощущение, будто я попал в старый фильм, и сейчас помощник режиссёра заорёт:

«— Стоп! Снято! Всем спасибо, перерыв!»

Понимаю, что это галлюциногенное ощущение от того, что, действительно, все эти улицы, троллейбусы, дома, тележки мороженщиц, будки с газированной водой и прочая атрибутика лакированной социалистической действительности растиражирована в сотнях и сотнях фильмах, плакатах и даже, кажется, мультфильмах. Парадные, глянцевого, открыточные виды Столицы, какой она должна быть в глазах советских граждан и иностранцев.

Не без труда отделяюсь от ощущения кинематографичности, всерьёз опасаясь эпилептического припадка. Для этого пришлось выделять неприглядные детали, акцентируясь на мелочах, вроде низкой самодельной тележки со старыми подшипниками вместо колёс, на которой с грохотом рассекает безногий инвалид, отталкиваясь от асфальта деревянными, обшитыми кожей колодками.

Настроение мне такие детали не добавили, но отпустило, и я, уже со спокойной душой, начал глазеть по сторонам, рассматривая город в целом. Очень мало автомобилей, мало народа на улицах, много солнца и... вообще-то – красиво! В целом.

Детали, как обычно, подкачали, но видна некая концепция, идея... Да и воплощение, в целом, не самое скверное. Если бы градостроительная концепция продолжилась в этом русле, то, кажется мне, город вышел бы куда как более удобным!

– Так... сейчас налево, – негромко сказал отец, сворачивая в нужном направлении.

Свернув, мы пошли среди двухэтажных домов, за которыми кое-где виднеются частные домики и проплешины то ли пустырей, то ли стройплощадок, уже расчищенных под застройку многоэтажками, школами, детскими садами и магазинами. А пока... да тоже ничего, честно говоря. Есть в этих старых домах своеобразное дореволюционное очарование, и будет очень жаль, если этот уголок Старой Москвы исчезнет...

«– А кстати, где мы?» – запоздало озадачился я, пытаюсь сообразить, куда же нас завёз шофёр. Я, конечно, не великий знаток Москвы, но всё-таки, наверное, сумел бы сориентироваться, если бы внимательней следил за дорогой, не выпадая в собственную реальность.

А здесь... Мало того, что знакомые ориентиры, по большей части, пока просто отсутствуют, так ещё я столкнулся с тем, что в ходу как новые, так и старые названия. Причём старых может быть аж несколько, и, в зависимости от возраста говорящего, это может дореволюционное название ка-

кой-нибудь Голодаевки, или, на волне революционных переименований, Красный Пахарь. А на картах и указателях, тем временем, может быть написано совершенно другое!

Вдобавок, везде стройки, объезды, указатели... Сам чёрт порой не разберёт.

– Добрый день, – отец тем временем тормознул немолодую женщину, идущую по улице, сильно припадая на бок.

– День добрый, – не слишком приветливо отозвалась она, останавливаясь и опуская на тротуар большую сумку, пошитую из грубого брезента.

Уточнив дорогу, мы прошли чуть дальше, и, свернув ещё раз налево, уткнулись в длинное одноэтажное здание, несколько обветшавшее от времени, но впрочем, вполне ухоженное и приятное глазу. К тому же, больница стоит в небольшом скверике, со старыми берёзами, вековыми липами и цветочными клумбами, ну и разумеется – лавочками. А чуть подалее, в самом конце сквера, обнаружилась ещё и детская площадка – с грибком над песочницей, несколькими качелями, и деловитыми карапузами, занимающимися под присмотром мамаш своими важными карапузьими делами.

Подходя к больнице, отец замедлил шаг, морщась от чего-то, не вполне понятного мне.

– Кто первый подал заявление, тот и прав, – негромко, будто напоминая ему о чём-то, сказала мама.

– Ну да... – вздыхаю я, зайдя в холл больницы и обозревая

её, – а чего я ещё ожидал?

Заметив вопросительный мамин взгляд, пожимаю плечами – дескать, ерунда...

– Да я на минуту отходил! – взревел какой-то мужик густым басом в ответ на замечание, проталкиваясь к очереди в регистратуру, – Покурить выходил!

– Вот где курил, там очередь и спрашивай! – непримиримым тоном отозвалась одна из бабок, преграждая ему путь на манер камикадзе, – А то взяли манеру! Одному покурить, другому! И все, ети вашу мать, стояли! Все занимали!

– Вот если у тебя, милоч, – с готовностью подключилась вторая старушенция, вся какая-то мятая, и чуть не пожёванная, едко пахнувшая табаком и нафталином, – болит чевой-то, то никуда ты и отойти не хотишь! Стоять будешь, как гвоздями к полу прибитый!

– Мы на заводах всю жизнь! – распинается какой-то дедок, стуча костылём и трясая двумя медалями на впалой груди, и, размявшись, понёс какую-то совершеннейшую околесицу, согласно которой все больничные должны проверять органы НКВД, и если что не так – в лагеря! А то ишь, разбаловались!

Но у него к моему удивлению, нашлись сторонники, часть очереди, притом немалая, завела разговоры о том, что раньше порядок был.

– Хозяин в стране был! Всех вот так... – артритный кулак вздымается над головой.

Выдохнув, приваливаюсь спиной к стене, краем уха слу-

шая несколько скандалов разом, и меланхолически обозревая внутреннее пространство больницы, стараясь отвлечься от разговоров людей, тоскующих по хозяйской руке, и, очевидно, барину.

Никакой тебе плитки или хотя бы линолеума, а лишь вытертые половые доски, местами выщербленные, отполированные тысячами посетителей. Экологично... да и до материалов, современных мне, ещё ох как далеко...

Стены крашены чем-то уныло-казённым, чему я даже не могу подобрать правильного названия, а вернее всего, в целях экономии в ведре смешали все краски, что были, и, разболтав палкой, употребили в дело. Выше, метров с полутора, побелка, и граница этих двух сред изрядно отшелушена, стёрта и выскоблена.

Ну и стенды... В основном примитивные, откровенно колхозные, в стиле «Мойте руки перед едой», будто кому-нибудь... а хотя, наверное, есть и те, кому надо напоминать...

Но есть и политические агитки, вроде «Решение Партии – в жизнь!», с темой, которая вообще может быть не связана с медициной. К чему бы это? А, ну да...

«– Ну ни-че-го в стране не поменялось... – саркастично подумал я, скрещивая руки на груди, – ни-че-го! Если только в худшую сторону... Прогресс и технологии – они где-то там, а у нас...»

– Миша! – позвала меня мать от стойки регистратуры, сбивая с мыслей, – Подойди!

Протолкавшись через заворчавшую очередь, подошёл поближе, и, повинувшись маме, опустил поднятый воротник рубашки и задрал вверх шею, демонстрируя синяки и ссадины, которые сегодня, поутру, заиграли новыми красками.

Пожилая дама в белом халате только цокнула языком, показав на миг золотые коронки, и сморщилась, как от неприятного запаха. Повелительно махнув нам рукой, она вышла из регистратуры, и, чуть повернув голову, украшенную перманентной завивкой, сказала тем голосом, каким отдают приказы на поле боя...

– Эти – без очереди!

... и никто, что характерно, возмущаться не стал.

В кабинете врача, быстро и довольно-таки небрежно осмотрев меня, даже не подумав вымыть перед этим руки, приказала медсестре позвонить, негромко проинструктировав её, а сама принялась заполнять документы, всем своим видом показывая, что её, Елизавету Анатольевну, эта ситуация в восторг не приводит!

А когда выяснилось, что нужно ещё и осматривать маму, у которой, со слов отца, на спине, в районе позвоночника, внушительный лиловый синяк, она откровенно сморщила нос, смерив маму неприязненным взглядом. Встав, врача подвинула ширму так, чтобы перегородить часть кабинета.

– Проходите и раздевайтесь, – сухим голосом велела она, с грохотом двигая стул и всем своим видом показывая,

что делает нам большое одолжение.

– В течение пятнадцати минут подойдёт, – доложила начальству вернувшаяся медсестра, усаживаясь на своё место и подвигая венский стул к массивному столу. Мельком глянув на нас, она тут же закопалась в бумаги, иногда делая какие-то записи мелким бисерным почерком.

– Так-с... – врачиха, выйдя из-за ширмы, глянула на тонкие золотые часики, браслет которых перерезает её пухлую руку, и постучала пальцами по столу, напряжённо морща лоб.

– Подождите пока в коридоре, – решила она наконец, – я вас вызову, когда понадобится.

В коридоре, довольно-таки широком, освещённом дневным светом из двух распахнутых окон по обеим его сторонам, и нескольких тускловатых лампочек, полно кашляющего, сморкающегося и переговаривающегося народа. Стойкий запах лекарств почти перебивает запах невымытых старческих тел, табака и нечищенных зубов, и у меня возникло подозрение, что может быть, не всё так просто, и сестра-хозяйка, повинувшись негласному распоряжению главврача, попросту дезодорирует помещение с их помощью.

Ждать, впрочем, долго не пришлось, и милиционер, относительно молодой мужик с вытянутым унылым лицом, похожий на страдающую похмельем борзую собаку, деловито прошёл в кабинет, придя заметно раньше отведённого срока. Я было отлепился от стены, но как оказалось, зря, и, пома-

явшись так минуты две или три, снова принялся подпирать больничную стену.

– Савеловы! – высунувшись из кабинета, громко позвала медсестра, и очередь проводила нас недовольным ворчанием, на что женщина, с нотками визгливой скандальности, поведала народу о нашей ситуации, ухитрившись, не соврав ни в едином слове, перевернуть всё едва ли не с ног на голову.

– Вот, – громко констатировала Елизавета Анатольевна, со стуком собирая несколько папок на столе и вставая, – Савеловы!

Парой фраз она очень сухо описала наши травмы и вышла, оставив нас наедине с помощником участкового. Я не вполне понимаю, почему милиционер, курирующий тот чёртов колхоз, который на минуточку, вообще не относится к городу, опрашивает нас здесь, и насколько эта ситуация вообще законна.

Но родители, с их-то опытом, воспринимают это достаточно спокойно, как нечто само собой разумеющееся, и оглянувшись на них пару раз, я не стал раздувать скандал. Хотя, чёрт подери, мне это не очень нравится...

Почему-то казалось, что согласно Букве Закона, нас должны были вызвать повесткой на соседний участок... Как вариант, местный шериф мог зафиксировать сам факт обращения в милицию, и затем передал бы нас либо по адресу, своему сельскому коллеге, либо, что для нас более желательно,

в центральный аппарат.

Но очевидно, или я чего-то недопонимаю, или, что вернее всего, у сотрудников внутренних органов есть своя, сложная система взаимозачётов на грани законности или даже чуть-чуть за гранью. А то, что при этом нарушаются права граждан... так наверное, смотря каких граждан! Меньше формализма, товарищи!

Разговор мне не понравился с самого начала, потому как если сходу ошарашивают подростка перечислением статей о клевете, а потом, раз за разом, настойчиво предлагают «подумать», то думать, собственно, и не о чем... Будь я действительно подростком четырнадцати лет, то, несмотря на присутствие родителей, поплыл бы, и наверное, дело окончилось тем, что мы отказались от показаний, и оно, в лучшем случае, было бы переквалифицировано в несчастный случай, или, возможно, закрыто.

Но это в лучшем... Помощник участкового довольно настойчиво пытался подловить меня и маму на каких-то несуразностях, и чуть ли не повернуть дело так, что мы сами оказались виноватыми. Это было не очень явно, но заметно и мне, и, очевидно, родителям.

– Вы, граждане, – ещё раз надавил милиционер, сделав донельзя официальный вид, – подумайте как следует! Я, конечно, всё понимаю, но с другой стороны – коллектив! Знаете же, что если ты плюнешь в коллектив, то коллектив утрётся, а если коллектив в тебя, ты утонешь...

Прозвучало это откровенной угрозой, но давать заднюю, по ряду причин, мы не стали, и, подписав все положенные документы, ушли с изрядно попорченным настроением.

– Да-а... – протянул отец, выходя во двор, и, надев кепку, тут же сдвинул её на затылок, подставляя солнцу лицо. Мимо, чуть задев нас, проскакал давешний милиционер, зажав папку подмышкой.

Проводив его угрюмыми взглядами, переглядываемся.

– Ну... может, мороженое? – неуверенно предложила мама, пытаясь исправить если не ситуацию, то хотя бы настроение.

– А давай! – с несколько натужным весельем согласился отец, – Когда я московское мороженое ел...

В голосе его, несмотря ни на что, просквозили отчётливые нотки тоски, протянувшейся далеко в прошлое.

Недолго думая, пошли на поиски мороженого, и минут через десять наткнулись на тележку. Выстояв довольно длинную очередь, состоящую в основном из ребятни, молодых мам и совсем юных парочек, взяли по два пломбира и отошли на ближайшую аллею, где, из-за тощих, только что высаженных деревьев, не дающих совершенно никакой тени, нашлась свободная лавочка.

Московское мороженое, кто бы что ни говорил о ГОСТах, по вкусу всё-таки отличается от провинциального, и как по мне, довольно-таки заметно. Не сказать, что это прямо-таки необыкновенно вкусно, но если сравнивать с «пальмовы-

ми» сортами, то разница, конечно же, явственно ощущается.

Первую порцию я смолотил быстро, аж зубы от холода за-
ныли, да и родители не слишком-то от меня отстали. Вторую
мороженку ем уже вдумчиво, неторопливо, стараясь насла-
ждаться каждой сладкой молекулой, но мысли, сцука, лезут
и лезут в голову...

Ситуация, на самом деле, довольно-таки неприятная, ес-
ли не сказать больше. Советское законодательство, а отчасти
и унаследовавшее его российское, имеет ряд особенностей,
и с некоторыми я сталкивался лично, ну а о других хорошо
наслышан, и, скажем так, впечатлился на чужих примерах.
Самооборона в СССР и в России, это, для тех кто понимает
притча во языцех...

Помню прекрасно историю, как к мужику, идущему на ра-
боту в ночную смену, докопались два придурка, а работяга,
мужик крепкий и резкий, чем-то там в своё время занимал-
ся, и придурки, вместо сигарет, денег, телефона и морально-
го удовлетворения, получили по щцам. Ситуация, в общем,
банальная...

... а вот продолжение – не очень.

Работяга, отбившись, и даже не слишком сильно обидев
мудаков, пошёл себе на работу, а мудаки – в полицию, с заяв-
лением. В итоге, работяга сел¹⁹... года на полтора, кажется.
Все всё понимали, и даже, по факту, не было превышения.
Но мудаки заявление написали, причём первыми.

---

¹⁹ Случай из жизни.

Не вполне понимаю, как это работает в российском или советском законодательстве, но очевидно, как-то работает, и это нужно принять во внимание.

... а у меня – нож! Согласно законодательству СССР, это практически гарантированное превышение, а четырнадцать мне уже есть, и если что, «на малолетку» отправят только так!

Нож, даже если его не применяли в драке, это отягощающее обстоятельство. А если кто-то из селян предъявит более-менее свежий порез, скажем, от косы или от чего ещё, свалив это на меня, то... сидеть мне с гарантией.

А эти... да, эти могут! Не факт, конечно, что сделают, но могут...

Да и участковый, к гадалке не ходи, на стороне колхозников! Притом всех позиций разом – начиная от профилактики правонарушений и низкого показателя уровня преступности на вверенном ему участке, заканчивая благодарностью селян, выражающейся в материальном эквиваленте.

Он может просто не дать делу ход, и это для нас, в общем-то, не самый плохой вариант...

А может, к примеру, «потерять» наше заявление, или ещё каким-либо образом «стереть» его из официального документооборота. Но при этом, съездив в село и поговорив по душам, положить в папочку уже заявление от селян, а в люльку мотоцикла – благодарность в материальном эквиваленте.

Далее... не знаю точно, но как вариант, выждать некоторый срок, достаточный для того, чтобы следы на моей шее прошли. А потом, скажем, найдёт нас... в ходе следственных мероприятий...

Ах, какое дело выйдет... образцовое! Малолетний уголовник, да притом, хм... потомственный, если не вникать.

– Не понравился мне участковый, – сбивая с мысли, сказал отец, и замолк, хмуро кусая мороженое.

– А врач? – в тон ему отозвалась мама, – Как на суде... и притом вина установлена.

– Ну... для неё, может, и да, – задумчиво сказал отец, подъедая мороженое и вытирая липкие руки чистым носовым платком, – в паспортах-то у нас пометочки... а с ними мы, для некоторых людей, априори не товарищи, а исключительно – граждане!

– В редакцию? – спросила мама тем тоном, когда, на самом деле, всё решено, и отец, мельком взглянув на меня, медленно кивнул.

– Есть... – я пискнул голосом и откашлялся, сам себя ненавидя в этот момент, но не в силах молчать, – Есть ещё возможность просто уехать... далеко.

– Это... – отец качнул головой и переглянулся с матерью, – не вариант! Если мы и сейчас не выпрямимся, то так, согнутыми, до конца...

Не договорив, он достал портсигар и прикурил. Полминуты спустя они с мамой обсуждали редакционную политику.

ку центральной прессы и расклады в Политбюро, и то, кому из этих группировок возможность уязвить МВД особенно важно...

– Ну, всё... – затянувшись в последний раз, отец затушил недокуренную папиросу о чугунную урну и резко встал, – пошли!

«– За семь вздохов самурай должен принять решение» – мелькнуло в голове, и хотя меня трясёт, но...

... это, кажется, единственно верное решение.

Глава 4 Кино, а?!

– Ну... – ещё раз оглянувшись на супруга, стоящего на тротуаре таким волнорезом, мама нервным движением поправила мне высокий воротник, прерывисто выдохнула, как перед погружением в прорубь, и очень решительно двинулась вперёд, цокая каблучками туфель по бетонным ступенькам, ведущим к входу в редакцию «Комсомольской Правды»²⁰.

Время, и без того тягучее, замедлилось. Каждая секунда, каждый наш шаг, каждый квадратный метр видимого пространства, стали вдруг необыкновенно яркими, выпуклыми, буквально осязаемыми и очень странными.

Будто пространство, в котором мы существуем, потеряло в эти мгновения свою трёхмерность, и даже, кажется, физические константы заколебались. От нас троих пошла волна изменений, как круги по воде от брошенного камня.

Всё тот же солнечный летний день с редкими облаками на ясном небе, всё тот же лёгкий ветерок, разносящий по Москве запахи выхлопных газов, нагретого асфальта, папирос и скошенной травы на газонах, но...

---

²⁰ Не нашёл адрес редакции в Москве на 1967. Есть несколько адресов в интернете, но там непонятно ни по годам, но по тому, где была Главная Редакция, а где всё остальное. Написал через ВК в Комсомолку, но пока без ответа. Кто знает, подскажите, пожалуйста.

... что-то необратимо изменилось.

Мужчина в мешковатом сером костюме, бдящий у входа с видом немецкой овчарки у будки, встроенным радаром уловив нашу инаковость, неправильность, чужеродность, выдвинулся навстречу, делая служебное лицо и расправляя плечи. Охранник он, или просто служащий редакции, решивший за каким-то чёртом продемонстрировать служебное рвение, я не знаю, не всегда понимая советские реалии.

По негласным правилам самой свободной страны мира, её гражданам полагается в таких случаях замедлять шаги, искательно и смущённо улыбаться, повинуюсь даже не повелительному взмаху руки и окрику, а просто нахмуренным бровям, останавливаясь, и, запинаясь, заискивающе объясняться, что они-де по очень важному делу, и не могли бы их...

... и обычно – нет!

– Вы же из газёты?! – напрочь проигнорировав грозный вид и предупредительно выдвинутую редкозубую челюсть человека в мешковатом костюме, мама перехватила потрёпанного жизнью немолодого мужчину, устало поднимающегося по ступенькам, с пыльным болоньевым плащом на согнутой руке.

С виду ничем не примечательный, сутулый, с помятым лицом нездорового цвета, рыхлым животом и потухшей папирсой в углу мягкого некрасивого рта, он не произвёл на меня впечатления, и я не понял, по какой причине ма-

ма остановила именно его?! Пепел на лацкане пиджака, перхоть, и весь он какой-то несвежий, обыкновенный...

Почему не остановила того – в костюме, сшитом явно на заказ, пружинисто поднимающегося по ступенькам и весело переговаривающегося с таким же благополучным, спортивным, нестарым ещё приятелем? Почему не заговорила с тем, важным и седовласым, шествующим со свитой, внимающей каждому слову?

Не отвечая и не останавливаясь, мужчина на миг повернул голову, мельком и как-то очень цепко оглядев нас, и снова отвернулся...

... а у меня ознобом по спине прошло ощущение, будто я заглянул в дула корабельных орудий за мгновения перед выстрелом.

Небрежная отмашка рукой, и тот, в мешковатом костюме, будто врезался в стеклянную стену, и, вильнув подобострастным выражением лица, снова вернулся в свою незримую будку у входа. Бдить.

А мы, по этой же отмашке, получили в глазах окружающих некий не то чтобы статус... но пропуск в святая святых, и как-то всё так, что это стало ясно всем вокруг.

Пристроившись рядом и чуть сзади, мама несколькими короткими и немного сумбурными фразами, вывалила на сотрудника газеты наши проблемы. Короткий кивок, и о нас будто забыли.

Переглянувшись с отцом, мама чуть отстала, и мы, растя-

нувшись, двинулись вслед за этим, помятым. А тот, остановившись ненадолго, заново прикурил налипший на угол рта бычок и пошёл по холлу, то и дело останавливаясь, чтобы с кем-то поговорить.

Понять из этих разговоров что-то значимое, наверное, смог бы только человек, причастный к журналистике, а мне понятны только отдельные слова и предложения. Помимо профессионального журналистского жаргона, отличающегося, кажется, от современного мне очень и очень сильно, их речь полна недоговорённостей, эвфемизмов и отсылок на какие-то моменты, понятные только узкому кругу лиц, а может быть, и вовсе, только собеседнику.

Единственное, что я понял, да и то по отношению окружающих, так это то, что этот немолодой помятый мужик с вонючей папиросой, один из тех, кто определяет редакционную политику. Вне зависимости от официальной должности!

Обстановка внутри не слишком примечательная, обычный, в общем-то, официально-бюрократический стиль СССР, узнаваемый с полувзгляда и въедающийся в подсознание, как копоть от горящих покрышек в одежду. Обязательные рабоче-крестьянские фрески, кумачовые лозунги, цитаты и портреты...

... вот только, кажется, я пару раз видел этих, с портретов, в здании «Комсомолки».

Пришло даже не понимание, а осознание, что «Комсомолка» не просто газета, а печатный орган правящей Партии,

и что её роль куда как выше, чем роль прессы в моём времени. А это, несмотря на, казалось бы, отсутствующее у меня чинопочитание, несколько напрягает...

Следуя за этим грузным, одышливым немолодым человеком, я несколько потерялся во времени, да и, отчасти, в пространстве. Мир сузился до этого, так и не представившегося нам человека, и родителей, а всё остальное мелькает, как в стробоскопе.

Жестом остановив нас чуть поодаль, этот, грузный и властный, коротко переговорил со смутно знакомым человеком в роговых очках. Затем, еле заметно обернувшись и поймав нас глазами, он дёрнул подбородком, и мы, как привязанные, влетели вслед за ним в большое помещение, встав у стеночки рядом с дверью.

Сердце колотится в груди под ритм «Металлики», а глаза разом залило потом. Вот сейчас... да или нет...

Здесь, внутри, много письменных столов, стрекочущих пишущих машинок, людей, табачного дыма и разговоров. Всё очень буднично, просто и местами даже как-то блёкло, серо...

... взмах руки, и я сам не понял, как оказался перед одним из письменных столов.

– Вот, Савеловы, – представляет нас грузный, и что-то говорит, но его голос то пропадает, то появляется. С досадой понимаю, что до полного выздоровления, до полноценного вживания в этот мир и это тело мне ещё далеко...

... а потом, волной облегчения по телу – осознание, что этот, грузный и властный, просто говорит иногда совсем тихо, не для всех и тем более – не для нас.

– Вот... – шагнув ко мне, мама опустила воротник рубашки, показывая следы на моей шее, решив сразу зайти с козырей, – днём вчера...

Она начала рассказывать, запинаясь и заново переживая вчерашний день, а я, кусая губу, вставляю иногда реплику, злясь на собственный ломающийся голос, который, совершенно не ко времени, подводит меня.

– Вот так... – растопырив пятерню, мама показывает на грузном, как её толкали в стену.

– А ты... – внимание переключается на меня.

– Висел, – криво улыбаюсь, – полузадушенный, на воротнике собственной рубашки. Воздуха нет, сознание уплывает куда-то, и страшно – до жути...

– Да уж... – пробормотал один из слушателей, снимая очки и закусывая дужку, – понимаю!

– Ну и... – подбодрил меня грузный.

– Ну... – с трудом собираюсь с мыслями, – а потом мне в лицо вот так вот выдохнули...

– Жидёнок... – я постарался полностью передать те интонации, и, судя по тому, как дёрнулся один из слушателей, одними губами произнеся ругательство на идише, мне это хорошо удалось!

– Ты не ошибся? – перестав жевать дужку очков, спросил

журналист.

– Не... – я мотанул головой, – Очень всё... ну, отчётливо...
во...

– И... – мягко подтолкнули меня голосом.

– Ну вот сказали это... про жидёнка, и увидел, как маму, ну и... – непроизвольно передёргиваю плечами, – полез в драку.

– Так... – сосредоточенно кивает тот, что ругался на идише, – Значит, не только на шее...

– Почему? – удивляюсь я, – А-а... нет, я вырубил этих... погромщиков.

– Хм...

– Да это не сложно, на самом-то деле! – заторопился я, – Это ж не боксёрский ринг, а так... Да и они не ожидали, а я всерьёз бил!

Взрослая часть меня где-то там, далеко позади... а на переднем плане – подросток, взбудораженный и обиженный на недоверие, на...

– Я учил, – негромко, но очень веско сказал отец, делая пару шагов вперёд.

– Н-да? – грузный повернулся к нему всем телом, и какое-то время, очень короткое и насыщенное, они мерялись взглядами.

– Где? – коротко и хлёстко поинтересовался грузный, и мне почему-то стало ясно, что этот – воевал, и очень серьёзно.

– N-ская штурмовая инженерно-сапёрная бригада, – по-
добравшись, ответил отец, а потом в разговоре начали мель-
кать соединения, города, имена командующих, даты, госпи-
тalia и всё то, что многое говорит человеку воевавшему.
Ну а мне...

... пусть даже я начал читать здешние учебники истории,
наполненные событиями о Великой Войне, многое до сих
пор звучит белым шумом. Всё-таки я учился по другим учеб-
никам... и это не хорошо, и не плохо, это просто – другое.

Понял только, что военная биография отца нетривиальна
даже для этих, выдавших виды людей, но впрочем, новостью
для меня это не стало.

– Понимаю, – медленно кивнул грузный, переводя взгляд
на меня, и ещё раз... – понимаю...

В этих словах, кажется, что-то большее, нежели обычная
констатация рукопашных навыков, но... я подумаю над этим
позже!

Отношение к нам как-то неуловимо изменилось, и, хо-
тя это сложно объяснить словами, но атмосфера стала чу-
точку более дружелюбной. Никакого панибратства, смен поз
согласно канонам прикладной психологии, и прочей ере-
си, но...

– А сами откуда? Так, так...

Репортёры здесь опытные, битые, тёртые, напомнившие
мне матёрых волков своими осторожными, и в то же время
уверенными повадками. Да и работают они так же, по-вол-

чьи, раздёргивая наше внимание и раскручивая всю историю нашей семьи с самого начала.

– ... реабилитация, значит... – задумчиво кивает немолодой Алексей Ильич, переглядываясь с понимающим коллегой пенсионного возраста.

– Ну так шестьдесят седьмой год на дворе, – мягко принимает подачу Вениамин Львович, и в его словах слышится продолжение давней дискуссии.

– ... а вы, значит... – мягко раскручивает маму Сергей Исаевич, заинтересованно подавшись вперёд и глядя на неё с тем ожиданием, которое невозможно не оправдать.

– Да, да... – как заворожённая, кивает та, – на стройке... Да, конечно! Взрослые нормы, а как же иначе...

– Действительно, – бормочет Сергей Исаевич, благожелательно соглашаясь с мамой, – как же иначе-то? А потом...

– В Средней Азии сперва... – продолжает мама, нервно ломая пальцы рук, и кажется, даже не замечая этого. Она снова там...

– ... биология, химия... – неуверенно пожимаю плечами, из последних сил удерживая хлипкие барьеры перед дружелюбными, мягкими и какими-то гипнотическими голосами репортёров. Если бы не тот, взрослый опыт, не закалка человека двадцать первого века, привыкшего к агрессивным переговорам, стрессам и психологическому давлению, я бы, наверное, расколосился до самого доньшка... Но и так тяжело, потому что тело, со всеми его подростковыми гормона-

ми, ох как давит на сознание и психику!

– Потом? – снова пожимаю плечами, несколько нервно и суетливо, – Не знаю пока... наверное, в медицину пойду! Ну... интересно же...

Снова дёргаю плечом и замыкаюсь на какое-то время в себе, пропуская мимо ушей вопросы и пытаюсь хоть немного собраться с мыслями. Получается, откровенно говоря, неважно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.